

ТИШИНА ЛИСТВЕННИЧНЫХ АЛЛЕЙ

Из Козельска, из тылового армейского госпиталя, Рокоссовского на самолёте отправили в Москву.

Земский доктор, испанские санитары и врачи козельского госпиталя сделали всё необходимое и для спасения жизни раненого и для последующего выздоровления. Рану почистили, перевязали. Ранение оказалась тяжёлым, проникающим. Были пробиты лёгкие, задет позвоночник.

В Москве Рокоссовского поместили в госпиталь, расположенный в одном из зданий Сельскохозяйственной академии им. К. А. Тимирязева.

Как известно, в госпитале он лежал до 22 мая, а 26-го под Сухиничами уже планировал со своим штабом атаку на Жиздру — районный город к юго-западу от Сухиничей.

А пока — белая палата для старшего офицерского состава. За окнами — тишина лиственничных аллей. Во время войны многие студентки и аспирантки знаменитой сельхозакадемии стали санитарками и медсёстрами и ухаживали за ранеными тут же, в своих аудиториях и учебных кабинетах. Некоторые из них впоследствии вспоминали, как по очереди украдкой ходили в офицерский корпус, чтобы хотя бы одним глазком заглянуть в палату, где лежал, медленно приходя в себя, молодой красивый генерал. Он был похож на Андрея Болконского, раненого при Аустерлице, к которому, согласно сюжету, должна была явиться Наташа Ростова...

И она явилась.

Однажды, когда генерал уже чувствовал себя лучше, но ещё не вставал, к нему в палату пришла Валентина Васильевна Серова. В госпиталь знаменитая артистка приехала с концертной группой. И её попросили выступить перед раненым генералом, порадовать его, томящегося в одиночестве, своим ярким искусством. Выступление закончилось знакомством и выражением

взаимных симпатий. Учитывая темперамент Серовой, всё это, как вскоре стало очевидным, угрожало перерасти в нечто большее.

Биографы Валентины Серовой говорят о том, что первая же встреча с генералом, выразительные голубые глаза и высокая культура, сквозившая и в жестах, и в манере вести беседу, сразили пылкое сердце актрисы.

В тот же вечер она объявила своему гражданскому мужу поэту и военному журналисту Константину Симонову, что полюбила. В народе это называется “бабу понесло”...

Впоследствии свою необузданную фантазию она трансформировала в миф тайной любви актрисы и генерала. Миф подхватила публика, мгновенно растиражировала его в различных вариациях и версиях. Так была создана легенда, которая постепенно стала апокрифом. И теперь в той истории уже трудно понять, что правда, а что вымысел.

Валентина Серова до войны снялась в нескольких фильмах и сразу стала любимицей публики. “Девушка с характером”, “Сердца четырёх”. Её героиня — пылкая, жизнерадостная красавица, излучающая любовь и доброту. Третья блондинка, как называли её в артистических кругах. (После Любови Орловой и Марины Ладыниной.) Первый её муж “сталинский сокол” Анатолий Серов погиб в 1939 году во время испытаний нового самолёта. После гибели мужа, которого Серова, кажется, будет любить всю жизнь, она станет частой гостьей так называемых “кремлёвских посиделок”. Иногда во время правительственных приёмов вождь сажал её и вдову Валерия Чкалова Ольгу Эразмовну рядом собой. Однажды во время очередной встречи в Кремле, увидев момент, Серова обратилась к Сталину с просьбой “предоставить ей новую квартиру вместо той, в которую она с Анатолием въехала незадолго до его гибели”. Просьба Серовой была тут же удовлетворена — ей предоставили пятикомнатную квартиру в Лубянском проезде, где совсем недавно жила семья маршала А. И. Егорова, расстрелянного в 1939 году во время “большого террора”. Вскоре она познакомилась с молодым поэтом и драматургом Константином Симоновым. Завязался роман. Впрочем, девушка с характером лишь снисходительно принимала любовь Симонова.

И вот весной 42-го её сердце встрепенулось, казалось, забытым чувством.

Серова зачастила в “timiразевку”. Рокоссовский же, догадавшись о причине частых гастролей третьей блондинки Советского Союза в своей палате, после безуспешных переговоров, видя, что влюблённая женщина переливается через край, выставил караул — буквально приказал дежурным больше не пускать к себе актрису.

По другим версиям, их встречи продолжались. И якобы даже генерал подарил Серовой часики с гравировкой: “ВВС от РКК”. Что по выписке из госпиталя жил у неё в московской квартире несколько дней.

Конечно, слухи и легенды на пустом месте не появляются. Восходящая звезда киноэкрана и красавец генерал, спаситель Москвы. Какой сюжет! Какая интрига! Жизнь, конечно же, талантливее и мощнее всех драматургов и режиссёров, сценаристов и актёров.

Но генерал оказался из другого теста. Да и блондинка у него уже была. Ждала в Сухиничах. Переживала за его здоровье. Посылала письма с офицерами, которые нет-нет да и навещали своего командующего в тихом тылу в лиственничных аллеях.

Дочь Валентины Серовой и Константина Симонова Мария Кирилловна* писала, что у её матери и Рокоссовского “не было романа”.

Роман-то был, но, скорее всего, это был роман-фэнтези, придуманный романтической и простодушной актрисой. Часть сюжета подарила война.

Шофёр Рокоссовского Сергей Иванович Мозжухин все дни, пока командующего возвращали с того света, а потом ставили на ноги, неотлучно находился рядом. Именно ему легенды приписывали роль ямщика, привозившего Серову в “timiразевку” на свидания. Константин Вильевич Рокоссовский, которому уже много лет приходится снимать, как говорится “с вороту брань”, в одном из интервью сказал следующее: “Сергей Иванович Мозжу-

* Настоящее имя Симонова — Кирилл.

хин... никогда не привозил Серову к Рокоссовскому. Он рассказал мне дру- гую историю: в день знакомства Серова пригласила Рокоссовского в Большой театр, разумеется, когда он пойдёт на поправку. Деду это было приятно, что греха таить, всё-таки известная актриса! И спустя какое-то время они туда действительно поехали. В театр они зашли вдвоём с водителем, со служеб- ного входа, нашли указанную в пропуске ложу. Серова села рядом с Рокос- совским. На неожиданную пару, разумеется, смотрел весь зал, и генералу стало неудобно под пристальными взглядами театральной элиты. Кончился спектакль. Из театра Рокоссовский вышел вместе с Сергеем Ивановичем. Сел в машину и вернулся в госпиталь. И пошли по Москве слухи...”

Журналисты к дате или подходящему случаю порой публикуют то там, то сям, выносят на экраны телевидения историю о том, что, мол, и Серова, и Рокоссовский в то время были свободны, а стало быть, что ж... Серова действительно вдовствовала. Имела сына. А генерал якобы ещё при первой встрече поведал ей о том, что его семья пропала без вести на оккупирован- ной территории и что он тоскует в одиночестве.

Как мы уже знаем, Рокоссовский разыскал свою семью ещё в начале осени 41-го. Лжецом же и мелким донжуаном, тем более по части актрис, он никогда не был.

Из рассказа Константина Вильевича Рокоссовского: “...в семье разговор на эту тему заходил очень редко. Однако, когда я заинтересовался этим вопро- сом, мать отрезала: “Серова выдумала всё это сама!” Мне бы не хотелось оби- деть потомков актрисы. Возможно, у неё были на то причины, однако в на- шей семье эту историю вспоминали с горечью. Злые языки, как говорится, страшнее пистолета, и бабушке пришлось тогда нелегко. Мама рассказывала мне, что маршал, по его же собственным словам, не питал большой симпатии к Валентине Серовой. Их встреча не произвела на него впечатления. И он сна- чала не понял, что ту галантность, которой Рокоссовский был известен, акт- риса истолковала по-своему. Думаю, что прозрел он только тогда, когда кто-то из знакомых пересказал слух о его романе с Серовой. Он сразу сел за перо. Написал жене, чтобы держалась, не переживала: “Я знаю, что тебе будет трудно, так как всяких слухов и сплетен не оберёшься. Причиной этому яв- ляется то обстоятельство, что многим стало просто лестно связать моё имя с собой. Отметай все эти слухи и болтовню, как сор”. Это было спустя две недели после возвращения на фронт. Бабушка знала, что все это неправда, что после госпиталя он был дома, а не у Серовой, что во время лечения она, а не актриса сидела у изголовья больного, но всё равно приятного мало”.

Грань между романтической легендой и злой сплетней бывает порой чрезвычайно размытой и скользкой. Семью Рокоссовских это, конечно же, беспокоит. Ведь суть генерала и маршала Рокоссовского в его военных делах, даже не семейных, а уж, тем более, не в подробностях фантазий экзальтиро- ванной женщины, увидевшей в нём нечто большее, чем героя обороны Моск- вы. Вот почему так настойчив в своей убеждённости внук маршала: “По рас- сказах деда, Серова действительно писала ему письма, один раз приезжала с артистами в его войска. Тогда она настаивала на отдельном выступлении со своей бригадой в штабе фронта. Шёл 43-й год, обстановка была напря- жённая, и он отказал. Да и на фронт артистов пустили только потому, что генерал понимал: людям нужно хоть на мгновение отвлечься от войны, и ли- шить солдат небольшого концерта, да ещё и с участием той, которая “умела ждать, как никто другой”, он не мог. В качестве командующего Рокоссовский был предельно гостеприимен, и только. Кстати, когда я спросил у одного из сослуживцев деда, приезжала ли на фронт Валентина Серова, тот ответил: “А как же? Приезжала. И не только Серова. Многие артисты приезжали”. На мой вопрос, приезжала ли она к Рокоссовскому, ветеран обиделся: “По- чему к Рокоссовскому? К нам ко всем приезжала. Поднимать боевой дух”. Потом он понял, почему я спрашиваю: “Ах, ты об этом? Вздорная болтов- ня! Такие слухи распускают те, кто тогда не был на фронте”.

Люди из окружения Рокоссовского, и прежде всего военные, с удивле- нием слушали рассказы о мнимом романе и искренне смеялись. Всё-таки командующий всё время на виду, и его личная жизнь, уж поверьте, была

известна его сослуживцам. Она, кстати, не была такой безоблачной, святым мой дед не был, тем более война... Он встретил одну женщину — военврача Галину Таланову. Она была с ним всю войну, родила дочь. И его семье, и соратникам всё это было известно. Знали они также, что Рокоссовский разрывается между двумя любимыми женщинами, одна из которых рядом с ним переносит фронтовые невзгоды, а другая ждет его дома. Она ждала его всегда — и когда он сидел в “Крестах” по ложному обвинению, и когда ушёл на фронт. Валентине Серовой места в этом любовном треугольнике не было. И можно себе представить, как не ко времени и не к месту была эта известная актриса со своей известной любовью.

Дед очень уважительно относился к Симонову, любил его стихи. Книги поэта с дарственными надписями занимали почётное место в книжном шкафу в его кабинете. Они много раз встречались на фронте. После возвращения деда из Польши Симонов часто приглашал его на встречи с фронтовиками. О поэте дед всегда отзывался с уважением и питал к нему искреннюю симпатию. Это уже и я помню. И, насколько мне известно, Симонов тоже хорошо относился к деду. Не думаю, что, если бы роман с Серовой был реальностью, Рокоссовский нашёл бы в себе силы общаться с её мужем. Он был очень стеснительным человеком, ему всё было “нехорошо”, “неудобно”. И в такой неловкой ситуации я не могу его представить”.

Известно, что однажды старший сын генерала Казакова капитан Виктор Казаков, в 1943 году служивший при штабе артиллерии Центрального фронта, по поручению командующего (Рокоссовского) отвозил Серовой записку и пачку нераспечатанных писем актрисы. В записке Рокоссовский просил адресата больше не писать ему. Серова сама открыла дверь. Прочитала записку. Сказала: “Я сейчас напишу ответ”. Капитан Казаков сказал: “Никаких ответов не нужно — у меня приказ”. Вежливо приложил к козырьку ладонь, повернулся и ушёл.

Известно также, что, когда Рокоссовский пошёл на поправку, он написал жене Юлии Петровне в Новосибирск, чтобы приезжала. И та вскоре приехала. За месяц до выписки из госпиталя Мосгорисполком, учитывая заслуги Рокоссовского при обороне Москвы, выделил ему квартиру на улице Горького. К приезду семьи квартира была готова. Именно её, а не маршальскую квартиру Серовой, обживал Константин Константинович перед убытием на фронт под Сухиничи.

Ходил в ту пору по Москве и по штабам такой анекдот. Будто бы Лаврентий Берия доложил Сталину: мол, артистка Серова, выезжая с концертами на фронт, подолгу живёт при штабе у Рокоссовского, мол, что уж её там так задерживает, догадываться не приходится... Сталин выслушал Берия и сказал: “Серова — красивая женщина. Даже очень красивая. — В раздумье попыхал трубкой. — С другой стороны, может пострадать авторитет командующего”. — “Именно поэтому я и доложил. Что будем делать?” — “Что будем делать? — Сталин начал задумчиво прохаживаться по кабинету. — Что будем делать, что будем делать... Завидовать будем, товарищ Берия! — И, остановившись напротив всеильного наркома, спросил: — А где жена товарища Рокоссовского?” — “Я уточню, но, должно быть, она в эвакуации”. — “Немедленно отыщите её и самолётом отправьте в штаб к Рокоссовскому. Анекдот у Серовой сами разберутся, кому уехать, а кому остаться”.

Анекдот анекдотом, но Юлия Петровна Рокоссовская и Валентина Васильевна Серова действительно имели встречу и беседу на тему, волновавшую их всего более. Правда, обстоятельства этой встречи были иными.

Юлия Петровна не отходила от постели мужа.

Однажды в госпитале вновь появилась Серова. В палату её не пустили. Актриса настаивала. Кто-то из медперсонала попытался объяснить ей, что, мол, в палате у Рокоссовского жена... Тогда Серова попросила дать ей возможность поговорить с женой генерала. Юлия Петровна вышла к ней. Серова без предисловий выложила, что любит Константина Константиновича, что жить без него не может и прочее. Юлия Петровна выслушала соперницу и посоветовала её выбросить всё это из головы. Герой, романтика... Сказала, что как женщина она её отчасти понимает, но у героя есть семья, жена и дочь...

Очевидцы рассказывали, что Серова была сильно расстроена и что после разговора с Юлией Петровной медсестры в ординаторской отпаивали её чаем.

Пока Рокоссовский лежал в госпитале, и женщины, окружавшие его, выясняли отношения, писатель и журналист Александр Бек, вернувшись в редакцию “Комсомольской правды”, разбирал и приводил в порядок беглые записи, сделанные во время поездки на фронт. В дни битвы за Москву он несколько суток провёл в расположении 16-й армии и наблюдал за работой штаба и действиями командиров дивизий и полков. Вёл записи. Опубликует он их уже после войны под заголовком “Штрихи”. Записи сделаны с натуры, тут же или минуту спустя, когда можно было взять в руки блокнот, и потому точны и ценны.

* * *

“Мне привелось видеть Рокоссовского в войсковых частях и в штабе армии в разные моменты битвы под Москвой.

Чаще всего он молчит.

Помню уцелевший дом в сожжённом немцами подмосковном городке — Рокоссовский приехал туда на следующее утро после того, как наступающая армия взяла этот населённый пункт.

Рокоссовский сидел на голой дощатой кровати, удобно привалившись к углу, в меховой ушанке, в меховых сапогах, в неизменном кожаном пальто без знаков различия.

В домике обосновался штаб артиллерийского полка. С командирами разговаривал генерал Казаков, начальник артиллерии армии, очень добрый и очень требовательный человек.

А Рокоссовский молча курил и слушал.

Пришли партизаны — восемнадцатилетние и девятнадцатилетние юноши с сияющими глазами, раскрасневшиеся, в распахнутых пальто и полушубках: в тот день для них был незаметен тридцатипятиградусный мороз.

Улыбаясь и шутя, их расспрашивал член Военного совета армии, грузный и весёлый Лобачёв.

А Рокоссовский по-прежнему молчал, время от времени доставая очередную папиросу из походной папиросницы, висящей на ремне рядом с полевой сумкой и планшетом.

Входили и выходили командиры; многие узнавали командующего армией, спрашивали: “Разрешите обратиться?”, “Разрешите идти?”. Рокоссовский молча кивал.

За два часа он не произнёс ни слова. Я изумлялся, искоса поглядывая на него. Вероятно, он устал или расстроен? Нет, голубые глаза были ясными, живыми и с интересом приглядывались к каждому новому лицу. И может быть, видел, слышал, замечал больше, чем кто-либо из присутствующих. Но молчал.

Его удобная поза, неторопливые движения, спокойный взгляд как бы свидетельствовали: тут всё идёт так, как этому следует идти. Потом он поднялся и сказал:

— Пошли, пожалуй. До свиданья, товарищи. Не будем вам мешать”.

* * *

“Другой раз мне пришлось наблюдать, как Рокоссовский работает у себя на командном пункте.

Штаб армии только что прибыл в небольшое селение.

Оперативный отдел разместился в промерзшей насквозь школе, штабные командиры работали за партами. Дымила и ещё не согревала комнату давно не топленная большая печь.

Предстояла разработка новой операции и составление боевого приказа войскам.

Вошёл начальник штаба генерал Малинин, властный и умный человек.

Большого стола не оказалось; на сдвинутые парты положили классную доску; на ней расстелили карту, склеенную из многих листов. Там уже было зафиксировано расположение сил — наших и противника, — как оно сложилось к этому моменту.

Несколько минут спустя появился Рокоссовский вместе с Казаковым.

Все пошли к карте. Немного пошутили относительно соседа, который по приказу передал армии Рокоссовского часть своего участка.

— Лишили их возможности отличиться, взять этот городишко*, — сказал Рокоссовский. — А они обрадовались. Пусть все шишки на другого валятся.

— Да, тут у нас очень всё разбросано, — произнёс Малинин, — противник может уйти, если нажмёт.

— Конечно, надо собрать силёнки и разделяться по частям с этой группировкой.

— Я думаю, сначала надо ликвидировать этот узел, — предложил Малинин.

— Добро, — согласился Рокоссовский.

Таков приблизительно был разговор между командующим и начальником штаба.

Затем заработал штабной механизм. Им управлял Малинин. Ему докладывали о наличной численности и вооружении каждой части; он записывал, подчитывал, выяснял подробности, вызывал нужных людей, расспрашивал или давал поручения, уточнял сведения о силах и намерениях противника, затем вместе с начальником артиллерии приступил к разработке оперативного плана; ставил задачу каждому соединению, указывал маршрут движения, место сосредоточения, время выхода на исходный рубеж, направление удара. Всё это делалось основательно, без суеты, без спешки. Истёк час, другой, третий — Малинин с работниками штаба всё ещё готовил боевой приказ.

А Рокоссовский — высокий, лёгкий, не наживший, несмотря на свои 45 лет, ни брюшка, ни сутуловатости, — ходил и ходил по комнате, иногда присаживаясь на крышку парты. Он слушал и молчал. И лишь изредка короткой фразой чуть-чуть подправлял ход работающего механизма.

— Задачу разведке поточнее. Чтобы никто не сунулся направо.

Или:

— Продвигаться и дороги за собой тянуть.

И опять замолкал.

В комнате стало темнеть; появились электрики с походной электроустановкой; Малинин, взяв карту, передвинулся к окну.

Рокоссовский прилёг на освободившуюся классную доску. Он лежал на спине, глядя в потолок и заложив руки за голову. Ноги его свешивались, не доставая до пола, и слегка покачивались.

И опять — его вольная удобная поза, его спокойствие как бы свидетельствовали: тут всё идёт так, как этому следует идти. Малинин отлично ведёт дело и ни во что не надо вмешиваться”.

* * *

“Но несколько раз я видел Рокоссовского разгневанным.

Бывая на передовой линии, в батальонах, Константин Константинович любил, чтобы за ним ходила свита, предпочитал, чтобы командир дивизии, командир полка его не сопровождали.

Так было и в тот день. С передовой Рокоссовский пришёл в штаб полка.

Командир полка отрапортовал и стал докладывать обстановку, указывая на карте географические пункты. Рокоссовский молча слушал, но лицо его мрачнело.

— Где тут у вас окопы? — перебил он.

* Возможно, речь шла о Сухиничах.

Командир показал.

И вдруг, не сдержавшись, Рокоссовский крикнул:

— Врёте! Командующий армией был на месте, а командир полка там не был! Стыдно!

И, круто повернувшись, вышел.

Здесь всё характерно для Рокоссовского.

Он постоянно — в отдельные периоды ежедневно — выезжал с командного пункта в части, ходил, наблюдал; мало говорил, но много слушал и присматривался, присматривался к людям.

Механизм управления армией функционирует в это время без него.

Отсюда, с боевых участков, Рокоссовскому многое виднее, в том числе и качество работы собственного штаба.

К подчинённым, от мала до велика, и к самому себе он, прежде всего, предъявляет одно требование: говорить правду, как ни трудно иной раз её сказать. Вранья не терпит, не прощает.

В другом случае он не вышел из себя, не повысил голоса, но говорил очень резко. Речь шла о потерях, которых можно было бы избежать при взятии одной деревни, если бы операция была подготовлена более тщательно.

— Безобразно, бескультурно, безалаберно! — сурово определил Рокоссовский. — Почему полезли без разведки?

Затем, не перебивая, выслушал ответ. Виновный, не подыскивая оправданий, напрямик признал ошибку.

— Другой раз предам суду за такие вещи! — сказал Рокоссовский, и оба твёрдо знали, что так оно и будет, если ошибка повторится.

— Берегите каждого человека! — продолжал командарм. — Пока не узнал, где противник, каковы у него силы, не имеешь права продвигаться! Чёрт знает что! Когда, наконец, научимся культурно воевать!

Меня поразило это словосочетание: “Культурно воевать!” Впоследствии я много раз вспоминал это выражение, раздумывая о Рокоссовском.

И вот ещё один случай.

К линии фронта, продвинувшейся за день на несколько километров к западу, медленно шли две легковые машины, кое-где увязая в косяках наметённого снега: впереди — машина Рокоссовского, следом — Лобачёва, где сидел я.

Дорогу расчищали сапёры. Передняя машина неожиданно затормозила. Я увидел нескольких сапёров, сидевших на снегу, покуривавших. Рокоссовский вышел, быстро к ним зашагал, и мы в задней машине, тоже остановившейся, вдруг услышали его гневный голос. Я приоткрыл дверку и уловил слова:

— Фронту нужны снаряды, а вы тут штаны просиживаете, герои!

И отвернувшись, Рокоссовский пошёл обратно. Даже по походе чувствовалось, как он возмущён.

Машины двинулись, но вскоре снова остановились, когда к передней подбежал командир. Рокоссовский поговорил с ним несколько минут, уже не повышая голоса.

Дороги, ровные, широкие дороги — этого постоянно и настойчиво требует Рокоссовский от своего инженерного отдела.

Могу удостоверить: я бывал, конечно, далеко не во всех армиях, но кое-где пришлось поездить — нигде я не видел таких хороших дорог, как на участке армии Рокоссовского”.

* * *

“Вот ещё несколько штрихов, которые на первый взгляд не имеют как будто прямого отношения к деятельности командующего армией, но в них тем не менее для меня раскрывался облик Рокоссовского.

Впервые я увидел Рокоссовского среди командиров, которым только что вручили ордена.

Лобачёв, сидевший рядом с Рокоссовским, поднялся и, покрывая шум голосов, объявил:

— Сейчас несколько слов скажет Константин Константинович.

Рокоссовский смущённо поправил волосы и покраснел. В этот миг мне стало ясно — Константин Константинович очень застенчив.

Как-то впоследствии я сказал Рокоссовскому об этом.

— Вы угадали, — ответил он.

Не удивительно ли, что Рокоссовский, командующий многотысячной армией, имя которого прославлено в великом двухмесячном сражении под Москвой, тем не менее порой краснеет, страдая от застенчивости. Я не знаю детства и юности Рокоссовского, не знаю, как сформировалась эта своеобразная и сильная натура, но некоторые впечатления позволили кое-что понять.

Рокоссовский приехал в деревню, только что отбитую у немцев. Еще дымились сожжённые постройки. Стоял крепкий мороз. В мглистом, казалось бы, зандежавшем воздухе пахло сторовшим зерном; этот резкий, специфический запах — горький запах войны — долго не выветривается. Из-под пепелищ жители выкапывали зарытое добро. Одни куда-то везли поклажу на салазках, другие семьями расположились у костров и что-то варили в котелках и ведрах. Валялись убитые лошади, кое-где уже тронутые топором. В розвальнях везли патроны на передовую; шли красноармейцы, тепло одетые, раздуманные на морозе; одна группа расположилась на привал, слышалась гармонь; кто-то, присвистывая, пошёл вприсядку; туда отовсюду кинулись ребятишки.

Кое-где лежали необранные трупы немцев. Спеша похоронить своих, немцы свалили мёртвые тела в колодец, набросали доверху, но не успели засыпать. Из колодца торчала мёртвая, окостеневшая рука со скрюченными пальцами, коричневыми от стужи, этот труп был, вероятно, поднят с земли затвердевшим и, брошенный сверху, так и остался в неестественной и страшной позе.

Рокоссовский подошёл к колодцу. Потом повернулся, посмотрел вокруг и, обратившись ко мне, сказал:

— Чувствуете запах гари? Когда помотришь на всё это, вспоминаются исторические книги. Как отбывали татарское нашествие, как воевали запорожцы. Помните Тараса Бульбу?

Другой раз Рокоссовский вспомнил о книгах, сидя за ужином рядом с Масленовым, начальником политуправления армии. Разговор шёл о боях под станцией Крюково, которые в армии Рокоссовского любят называть “вторым Бородино”.

— Я говорю, это было так! — сказал Масленов и с силой воткнул в дерево стола большой перочинный нож, которым только что открыл консервы. Рокоссовский достал из кармана свой нож, раскрыл его и вонзил рядом.

— А я говорю: не так! — И добавил, взглянув на Масленова с улыбкой: — Мы индейцы племени Сиук-Су... Помнишь Майн-Рида?

И мне вдруг представился застенчивый мальчик, который дичится на людях.

Он держится в стороне, молчит, смотрит, слушает. И много читает. Больше всего — о войне, о необыкновенных подвигах необыкновенных людей. Потом сам становится военным. И туда, в военное дело он вкладывает всё, чем обладает. Военное дело становится его призванием, его творчеством, его...

Рокоссовский сам произнёс слово, которое я подыскивал, стремясь схватить стержень его личности.

— Страсть, военная страсть, — сказал он, когда однажды мы разговорились о характерах некоторых известных полководцев. Такая страсть — “военная страсть” — безраздельно владеет Рокоссовским. Но даже смолodu она выражалась у него не только в удали и лихости, хотя всё это было, и даже с избытком, на его командирском веку, начавшемся в драгунском полку на театре Первой мировой войны. Он принадлежит к числу военных, которых называют мыслителями. Много думает о проблемах войны. В армии про него иногда говорят: “Задумчивый”.

Мне кажется, что я уловил правило, которым Рокоссовский неизменно руководствуется. Это правило, быть может, годится не для всех. В нём ска-

зались не только опыт и размышления Рокоссовского, но и особенный склад его характера. Правило, о котором идёт речь, Рокоссовский высказал за тем же ужином, когда он поспорил с Масленовым. Кроме них в комнате находились многие из комсостава армии: Лобачёв, Калинин, Казаков, начальник службы тыла генерал Анисимов и другие. Пели “Стеньку Разина”. Подошла строфа:

*Чтобы не было раздора
Между вольными людьми...*

— Святые слова! — сказал Рокоссовский.

— Почему святые? — спросил я.

— Потому что на войне всё совершает коллектив.

— А командующий?

— Командующий всегда должен это помнить. И подбирать коллектив, подбирать людей. И давать им развернуться.

— А сам?

— Сам может оставаться незаметным. Но видеть всё. И быть большим психологом”.

* * *

“Армия Рокоссовского отходила, ведя ожесточённые бои, уничтожая танки и живую силу противника, пока, наконец, усиленная многочисленными пополнениями, не сдержала немцев на расстоянии 25–30 километров от Москвы. За это время, в октябре и в ноябре, командный пункт Рокоссовского много раз менял местопребывание, переезжая иногда под огнём противника, в непосредственной близости от прорывающихся танков. Был случай, когда Рокоссовский, Лобачёв, Калинин, Казаков ночью уходили огородами из села, в которое уже ворвались немцы.

И всё же всякий раз, прибывая на новый командный пункт, Рокоссовский находил уже действующую связь со всеми подчинёнными ему частями, с соседями, со штабом фронта и с Москвой — “со всем миром”, как любит говорить начальник отдела связи полковник Максименко”.

Штрихи к портрету генерала у Александра Бека оказались очень точными. Возможно, писатель возвращался к своим фронтовым наброскам после войны и правил рукопись уже с учётом полной и окончательной славы маршала. Тем не менее, портрет генерала, в котором уже тогда, под Москвой и Сухиничами, отчётливо и ярко проявлялись характерные только для него черты полководца, получился достаточно полным.

В госпитале Рокоссовский с жадностью читал свежие газеты, слушал сводки Совинформбюро. Фронты, совершив зимний маневр на запад, остановились. Линия обороны стабилизировалась. Бои затихли и в районе Ленинграда, и в центре. Лишь на Юго-Западном направлении в районе Барвенковского выступа всё продолжалось с прежним упорством и кровопролитием. Рокоссовский тогда ещё и подумать не мог, что всего через несколько дней под Харьковом произойдёт очередная катастрофа, равная вземской, немцы форсируют Северский Донец, прорвутся на Балаклею и замкнут кольцо окружения барвенковской группировки наших войск, что совсем скоро ему и его штабу, переброшенному в район Сталинграда, придётся выправлять последствия прорыва 6-й немецкой армии к Волге.

Перелистал он и старые, зимние газеты, где много писали о его 16-й армии и о нём самом. Всё же любопытно было взглянуть на то, как он и его войска выглядят со стороны. Конечно, корреспонденты порой приукрашивали события и результаты боёв, следуя общей задаче — воодушевить и укрепить дух наступающих. Но общий взгляд был более или менее верным.

Вспомнил приезд группы английских журналистов. Тогда пришлось во многом преодолеть себя и говорить много. О визите иностранцев заблаговре-

Минно предуредили из штаба фронта. Иностранцы. Политика. Черчилль послал их, чтобы пронюхать, что происходит в России на самом жарком участке советско-германского фронта, выяснить из достоверных источников, устоит ли и на этот раз Москва.

Англичане задавали вопросы через переводчика, а он, так же через переводчика, отвечал.

— С германцами я уже воевал. Воевал с их отцами, теперь воюю с сыновьями. — И он кивнул в сторону фронта, откуда доносилась канонада.

— Ну, и как? — спросил один из корреспондентов.

— Может быть, я не объективен, люди всегда склонны переоценивать своих сверстников, а заодно и себя, и брюзжать по поводу молодёжи. Но, глядя на нынешний вермахт, не могу не сознаться в том, что отцы были лучшими солдатами. Вильгельмовская армия была лучше гитлеровской! Я думаю, что Гитлер испортил свою армию.

Англичанин, который вёл с ним диалог, завозился на стуле и сказал:

— Очень интересно. Но всё-таки не понимаю. Прошу господина генерала прокомментировать.

— Это непросто объяснить человеку невоенному, непрофессионалу. Но попытаюсь.

Англичанин вежливо улыбнулся и кивнул.

— Армия Гитлера может одержать много побед. Но она не выиграет эту войну.

Англичанин напрягся. Он готов был услышать то, ради чего рисковал, пересекая на самолёте несколько морей и линию фронта.

— Войну выиграет только настоящая армия. Армия же Гитлера... Она очень похожа на настоящую армию. Неопытный глаз может спутать. Эта армия прекрасно марширует. В ней козыряют лихо. Многие её солдаты превосходно владеют стрелковым оружием, прекрасно стреляют из орудий и миномётов. Они храбры. Их командиры безукоризненно владеют навыками тактики, знают топографию, и многие из них так же по-солдатски храбры.

Англичанин сделал вопросительный жест.

— Тем не менее, это — не армия. Это суррогат армии. В ней отсутствует идея войны. Войны во имя победы во что бы то ни стало. У нас, русских, говорят так: или грудь в крестах, или голова в кустах... У вас, англичан: быть или не быть...

Англичанин улыбнулся уже другой улыбкой и закивал. Похоже, он был доволен разговором. Интервью получалось интересным.

— Но германские войска продолжают наступать, — стараясь быть тактичным, заметил он.

— Да, временные успехи пока сопутствуют нашему врагу. Но они ведут против нас коммерческую войну. И армия у немцев коммерческая, а не военная. Немецкое командование стремится во что бы то ни стало победить. Это понятно. Никакое другое командование не желает иного. И ряд побед оно одержало. Но немецкое командование никогда не сможет достичь окончательной, полной победы, потому что оно строит свои планы, проводит операции, используя слабые стороны противника. Слабые стороны противника — вот залог их успеха. Секрет их успеха. Но это губительно для любой армии. И, быть может, в первую очередь — для той, которая стоит перед нашим фронтом. Приведу такую пример. Немецкий полк наступает на нашу роту. Превосходство сил несомненное. Победа полку обеспечена. И тем не менее, немцы засылают в эту роту провокаторов, сеющих панику и т. д. Они хотят победить любыми способами. Им кажется, что они правы, рота действительно побеждена. Но побеждён и немецкий полк! Потому что с нашим полком, на равных, он драться уже не сможет. Он будет разбит. Этот немецкий полк после боя с нашей ротой надо посылать на переформирование, добавив в него свежих солдат, тех, кто не участвовал в наступлении на роту. Те, кто участвовал, уже плохие солдаты, их скоро разобьют. Они обречены на поражение. Я поставил своим людям задачу и сказал им: "Немцы предложили нам такую систему войны. Они врзаются танковыми массами, слабо подкреплёнными пехотой, в наше расположение, они окружают нас. Примем

их метод и скажем себе: если мы в тылу у них, то не мы окружены, а они окружены!” Всё. Я бил немцев и буду бить. Они проиграют войну. Они проиграли войну Англии. Это бесспорно. Они проиграют войну и нам. Вопрос во времени. И только”.

Он ещё не знал, что тот диалог почти слово в слово опубликует одна из влиятельнейших британских газет в самый разгар битвы за Москву.

Наступили дни, когда Рокоссовский мог уже более или менее свободно передвигаться. Рана заживала. И он попросил своего водителя Мозжухина показать ему Москву. “И мы поехали, — вспоминал Сергей Иванович. — Помнится, возле Бутырской тюрьмы генерал спросил: “Это что, Бутырка? Вот здесь я делал мебель!” Я промолчал. Я слышал, что перед войной мой командарм несколько лет провёл в тюрьмах. Сегодня, естественно, знаю больше: он мужественно выдержал все допросы, никого не оговорил, с товарищами по заключению делился последним куском хлеба. Такой он был человек. Может быть, поэтому люди считали за честь воевать под командованием Рокоссовского.

Я долго возил Рокоссовского по улицам Москвы. И вдруг он говорит:

— Серёжа, я хочу посмотреть, как ты живёшь.

— Живу на четвёртом этаже, без лифта. После ранения вам, товарищ командующий, будет трудно подниматься.

— Поднимусь, — твёрдо заявил он.

Надо ли говорить, что посмотреть на командарма 16-й армии сбежался весь дом. Беседа продолжалась около получаса и запомнилась всем. “Мы обязательно победим в этой войне”, — уверенно заявил на прощание Рокоссовский. Потом я отвёз его обратно в госпиталь”.

В архиве удалось отыскать справку о ранении, выданную Рокоссовскому во время выписки из госпиталя.

“Эвакуационный военный госпиталь № 2366

Часть лечебная

20 мая 1942 года

4-22-05

СПРАВКА

Дана генерал-лейтенанту 16-й армии тов. Рокоссовскому Константину Константиновичу в том, что означенный Рокоссовский К. К. находился на излечении в эвакогоспитале № 2366 с 9 марта 1942 года по 22 мая 1942 года по поводу слепого осколочного (артснарядом) ранения правой половины грудной клетки — транснафрамальной с повреждением печени и лёгкого. Гемоторакс.

Ранение с пребыванием на фронте.

По выздоровлении выписан для дальнейшего несения военной службы.

Нач. лечебного учреждения — Каплан”.

В конце мая он уже был под Сухиничами.

За два с половиной месяца армия отодвинула фронт немного на запад, отжала противника за реку Жиздру. Впереди лежал одноимённый старинный русский городок, который предстояло взять согласованным ударом смежных флангов 16-й и 61-й армий.

Для увязки совместных действий в один из дней Рокоссовский и Казаков выехали в расположение соседей. Штаб 61-й армии с трудом отыскивали в глухой деревушке, куда несколько километров пришлось добираться пешком.

Маркиан Михайлович встретил соседей так, как встречают у порога напарника, с которым предстоит сходить в ад и попытаться вернуться.

Высокий, под стать Рокоссовскому, стройный и по-гвардейски подтянутый, генерал Попов излучал уверенность и надёжность опытного воина. Они, Рокоссовский и Попов, были похожи не только внешне, но и манерами, врождённым воспитанием, высокой культурой, умением владеть собой в самых трудных обстоятельствах. Его уважали в войсках — и за высокие

профессиональные качества командира, и за человечность, за умение в подчинённом видеть личность, какую бы должность тот ни занимал. Попов обладал феноменальной памятью, знал расположение своих войск, не только дивизий и полков, но и батальонов, рот. Знал и своих командиров, до ротных включительно. Свободно оперировал цифрами, огневыми возможностями своих подразделений и частей.

“По рассказам товарищей, — писал о генерале Попове главный маршал авиации А. Е. Голованов, — Маркиан Михайлович был огромного таланта и эрудиции человек, самородок, имевший блестящие способности в военном деле. Будучи совсем молодым человеком, он ещё до войны командовал военным округом. Однако его слабость к “живительной влаге” и прекрасному полу всю жизнь, как говорится, вставала ему поперёк дороги...”

Впрочем, Сталин до определённой степени терпел эти недостатки генерала, уступая его высоким полководческим качествам.

Война их вскоре разведёт. Но наступит час, и они, Рокоссовский и Попов, снова будут стоять рядом в самой масштабной и кровопролитной битве Великой Отечественной войны. На Орловско-Курской дуге боевые порядки правого крыла Центрального фронта Рокоссовского будут прикрывать армии Брянского фронта генерала Попова.

А в тот майский день они быстро обсудили общие задачи. Потом Маркиан Михайлович, по праву гостеприимного хозяина, пригласил соседей к другому столу, где было уже накрыто. За обедом не без улыбки и шутки вспомнили, как в конце зимы их сурово инспектировал генерал Кузнецов и чем та инспекция закончилась. Отдали должное и терпению, и жёсткости Жукова. Ещё раз посетовали на то, что наступать армиям некем, пробивать мощную немецкую оборону нечем, если не оголить фланги и не перебросить часть сил оттуда.

— Что ж, — посетовал Попов, — прикажут шить тришкин кафтан, будем шить тришкин кафтан...

Операция началась в конце мая. Успеха она, как и ожидалось, не имела.

Рокоссовского больше всего раздражало то, что ни Ставка, ни командование Западного фронта не ставили их, командармов, в известность, каковы цели проводимой их войсками операции, каковы общие задачи. В мемуарах по этому поводу он справедливо заметит: “Генералиссимус Суворов придерживался хорошего правила, согласно которому “каждый солдат должен знать свой маневр”. И мне, командующему армией, хотелось тоже знать общую задачу фронта и место армии в этой операции. Такое желание — аксиома в военном деле. Не мог же я удовлетвориться преподнесённой мне комфронтом формулировкой задачи: “изматывать противника”, осознавая и видя, что мы изматываем прежде всего себя”.

Его “Солдатский долг”, пронизанный полемикой с Жуковым, по сути дела, сплошной диалог с главным его оппонентом. Вот так на протяжении всей войны и жизни они будут полемизировать, спорить и дружить, разя общего врага. Два драгуна. Потом два краскома. Два генерала. Два маршала.

Масштаб его мысли уже тогда выходил далеко за пределы участка фронта, занимаемого армией, то есть несколькими дивизиями и корпусами. И это чувствовал и понимал не только он один.

Из-под Сухиничей Рокоссовский писал семье:

Милые, дорогие мои Lulu и Адуся!

Приехал на место благополучно. Чувствую себя хорошо. Тоскую безумно. Как-то становится больно, что обстоятельства не позволили провести с вами более продолжительное время. Единственное, что успокаивает меня, это мысль о том, что я нахожусь не так далеко от вас и сумею заботиться о вас, а может быть, иногда и навесить вас накоротке. Живу сейчас в лесу в маленьком деревянном домике. Уже полностью включился в работу. Дорога оказалась очень тяжёлой. Провлинные дожди сильно попортили дорогу, поэтому ехали около трёх дней. Если дороги подсохнут, можно будет рискнуть приехать вам ко мне, пока воздержитесь. На днях вышло что-либо из овощей — картофеля и т. п.

Аттестат высылаю с подателем сего, прикрепиться надо при горвоенкомате, он помещается где-то от вас близко.

Милая Lulu, не скучай, помни, что я мысленно нахожусь с тобой. Тебя люблю и только о тебе думаю. Горю желанием скорее увидеть тебя и быть твоим не только духовно, но и физически. Надеюсь, что при следующей встрече печень беспокоить меня не будет.

Целую тебя, милая, крепко-крепко. Адую то же.

Любящий вас всегда Костя.

Сообщи, как устроились и в чём нуждаетесь.

26.5.42”.

Письма Рокоссовского к жене стали более страстными и нежными. Сквозь строки нет-нет, да и проступают ощущение некой вины перед любимой и попытка загладить эту вину.

Странное дело, похоже, к несуществующей любви мужа к Валентине Серовой Юлия Петровна ревновала его сильнее, чем к реальной, фронтовой — Галине Талановой.

Глава девятая

ОПЕРАЦИЯ “КОЛЬЦО”

Новый 1943 год встречали в штабе Донского фронта. Лётчики доставили из Москвы ёлку, работники штаба по-фронтовому её украсили. На “огонёк” в деревню Зварыгино, заваленную снегами, прибыли Василевский, Голованов, Воронов, Новиков, драматург Александр Корнейчук, писательница Ванда Василевская, военные корреспонденты центральных газет и кинооператоры.

Рокоссовский предложил первый тост за Верховного Главнокомандующего товарища Сталина. Все встали и выпили до дна.

В разгар торжества кто-то заговорил о том, что в истории войн часто бывало, когда обречённому на гибель противнику, дабы избежать кровопролития, предлагали капитуляцию в обмен на жизнь. Идею эту подхватили, начали обсуждать. “На следующий день, — вспоминал Рокоссовский, — у меня возникла мысль посоветоваться с Генштабом: не попробовать ли нам применить древний рыцарский обычай?” По словам Рокоссовского, разговаривал он с генералом Антоновым, заместителем начальника Генштаба. Антонов обещал переговорить об этом в ставке и посоветовал подготовить текст ультиматума.

Ультиматум сочиняли коллективно. Помогали писатели и военные журналисты.

“Командующему окружённой под Сталинградом 6-й германской армии, генерал-полковнику* Паулюсу или его заместителю.

6-я германская армия, соединения 4-й танковой армии и приданные им части усиления находятся в полном окружении с 23 ноября 1942 г.

Части Красной Армии окружили эту группу германских войск плотным кольцом. Все надежды на спасение ваших войск путём наступления германских войск с юга и юго-запада не оправдались. Спешившие вам на помощь германские войска разбиты Красной армией, и остатки этих войск отступают на Ростов. Германская транспортная авиация, перевозящая вам голодную норму продовольствия, боеприпасов и горючего, в связи с успешным стремительным продвижением Красной армии вынуждена часто менять аэродромы и летать в расположение окружённых издалека. К тому же германская транспортная авиация несёт огромные потери в самолётах и экипажах от русской авиации. Её помощь окружённым войскам становится нереальной.

* Лишь 30 января Гитлер повысил своего сталинградского генерала до генерала-фельдмаршала.

Положение ваших окружённых войск тяжёлое. Они испытывают голод, болезни и холод. Суровая русская зима начинается; сильные морозы, холодные ветры и метели ещё впереди, а ваши солдаты не обеспечены зимним обмундированием и находятся в тяжёлых антисанитарных условиях.

Вы как командующий и все офицеры окружённых войск отлично понимаете, что у Вас нет никаких реальных возможностей прорвать кольцо окружения. Ваше положение безнадежное, и дальнейшее сопротивление не имеет никакого смысла.

В условиях сложившейся для Вас безвыходной обстановки, во избежание напрасного кровопролития предлагаем Вам принять следующие условия капитуляции:

1. Всем германским окружённым войскам во главе с Вами и Вашим штабом прекратить сопротивление.

2. Вам организовано передать в наше распоряжение весь личный состав, вооружение, всю боевую технику и военное имущество в исправном состоянии.

Мы гарантируем всем прекратившим сопротивление офицерам, унтер-офицерам и солдатам жизнь и безопасность, а после окончания войны возвращение в Германию или в любую страну, куда изъявят желание военнопленные.

Всему личному составу сдавшихся войск сохраняем военную форму, знаки различия и ордена, личные вещи, ценности, а высшему офицерскому составу — и холодное оружие.

Всем сдавшимся офицерам, унтер-офицерам и солдатам немедленно будет установлено нормальное питание.

Всем раненым, больным и обмороженным будет оказана медицинская помощь.

Ваш ответ ожидается в 15 часов 00 минут по московскому времени 9 января 1943 г. в письменном виде через лично назначенного представителя, которому надлежит следовать в легковой машине с белым флагом по дороге разъезд Конный — ст. Котлубань.

Ваш представитель будет встречен русскими доверенными командирами в районе “Б” 0,5 км юго-восточнее разъезда 564 в 15 часов 00 минут 9 января 1943 года.

При отклонении Вами нашего предложения о капитуляции предупреждаем, что войска Красной Армии и Красного Воздушного Флота будут вынуждены вести дело на уничтожение окружённых германских войск, а за их уничтожение Вы будете нести ответственность.

Представитель Ставки Верховного Главного Командования Красной Армии генерал-полковник артиллерии Воронов
Командующий войсками Донского фронта
генерал-лейтенант Рокоссовский”.

Из числа добровольцев были выбраны трое: офицер разведотдела штаба Донского фронта майор А. Д. Смыслов, переводчик капитан Н. Д. Дятленко и горнист, имя которого история не сохранила.

И вот 8 января на северном фесе выступила группа парламентёров с высоко поднятым белым полотнищем вышла из окопов и через нейтральную полосу, перепаханную снарядами и минами, направилась к проволочным заграждениям, за которыми виднелись немецкие окопы. Горнист непрерывно трубил в морозный воздух. Накануне по радио немцам сообщили о парламентёрах и их миссии. Транслировали также переведённый на немецкий язык текст ультиматума. Когда парламентёры прошли шагов сто, раздалось несколько одиночных винтовочных выстрелов. Пули вепарывали снег рядом, но горнист и офицеры продолжали свой путь. Затем послышались автоматные очереди. За ними захлопали миномёты. Возле проволочных заграждений парламентёров должны были ждать встречающие. Их не оказалось. Как потом отметил в своих мемуарах маршал Воронов, на предложение о сдаче без кровопролития “вражеская сторона отнеслась по-вражески”.

На следующий день попытку доставить ультиматум командованию окружённой группировки повторили на южном фланге. Здесь всё прошло более благополучно, без стрельбы. Парламентёров возле “рогаток” встретили немецкие офицеры и, выслушав майора Смыслова, предложили передать пакет им. Смыслов сказал, что у него приказ: передать текст ультиматума лично командующему 6-й армией. Тогда парламентёрам повязали на глаза заранее приготовленные повязки и повели на ближайший КП. Там повязки сняли. По телефону связались со штабом 6-й армии, доложили о желании парламентёров встретиться с командованием для вручения ультиматума. Из штаба Паулоса ответили, что содержание ультиматума им известно из радиосообщений и что командование армии его не принимает. Парламентёры благополучно вернулись в своё расположение.

Гитлер слал в штаб Паулоса приказ за приказом: “Капитуляция исключается. Каждый лишний день, который армия держится, помогает всему фронту и оттягивает от него русские дивизии”. “Капитуляция исключена. Армии выполнять свою историческую задачу, чтобы своим стойким сопротивлением до последней возможности облегчить создание нового фронта в Ростове и севернее и отвод кавказской группы армий”.

Как вскоре определилось, в том числе и волей нашего героя, “исторической задачей” 6-й германской армии стало умереть в степи между Волгой и Доном, в развалинах Сталинграда.

Гитлер всё ещё не мог избавиться от иллюзий, от болезненной уверенности, что германской армии не может противостоять ни одна армия в мире, а германскому солдату — никакому другому солдату. Манштейн играл партию в истории Второй мировой войны: ему, как командующему группой армий “Дон” (с февраля 1943 года — “Юг”) чрезвычайно опасно было выводить из сталинградского мешка 6-ю армию, так как вместе с нею высвободились бы значительные силы Красной армии, а именно — довольно сильные армии Донского фронта, которые противник наверняка бы бросил в помощь своим войскам, действовавшим в это время на южном и юго-западном направлениях, и тогда Манштейну, пожалуй, невозможно было бы удержать советское наступление. Крах южного крыла Восточного фронта при таком раскладе сил и событий стал бы неизбежным.

Впоследствии прославленный фельдмаршал и талантливый мемуарист, Манштейн всю вину за Сталинград возложил на основного козла отпущения — фюрера. Отметим и нерешительность Паулоса, который для спасения 200 тысяч человек не пошёл на прорыв из “котла”, вопреки приказу командующего группой армий.

Один из переживших ужасы окружения, а потом и советский плен вспоминал: “Да, конечно, долг и главная добродетель хорошего солдата — повиноваться всегда и всюду, даже если он и не понимает смысла полученного приказа. Но здесь, у нас, своим властным языком говорят сами факты. Только за последние шесть недель погибло круглым числом 100 тысяч человек. Тот, кто в таких условиях намерен ценой гибели остальных 200 тысяч человек сохранить своё слепое и тупое повиновение, — не солдат и не человек, он хорошо действующая машина, не больше!”

Адъютант Паулоса Адам писал: “Я считаю, что в случае своевременной капитуляции могло спасти и после войны вернуться к своим семьям намного больше 100 тысяч солдат и офицеров”.

Рокоссовский, сожалея о том, что операция с ультиматумом провалилась, обычно очень сдержанный в своих мемуарах, с горечью воскликнул: “Скольким людям это сохранило бы жизнь!”

И снова первой в дело вступала 65-я армия. На командный пункт генерала Батова Рокоссовский прибыл, как всегда перед атакой, затемно. На той стороне уже колыхалось зарево, отблески полоски горизонта, — по целям, расположенным в глубине “котла”, работала дальняя бомбардировочная авиация генерала Голованова. Вскоре огненные столбы начали подниматься ближе — позиции немецкой артиллерии обрабатывала штурмовая авиация генерала Руденко. Ровно в 8:00 натянули шнуры артиллеристы Донского фронта; через пять минут огненный смерч начал крушить немецкую оборону

во все время периметру “котла”. Наибольшая плотность огня была достигнута на направлениях главных ударов. На северном участке, где наступала армия Батова, впервые в таком масштабе был применён новый метод огненного вала: артподготовка ещё шла, а атакующие пехотные подразделения, сопровождающие танки и противотанковая артиллерия уже шли вперёд, продвигаясь вслед за стеной артиллерийского огня.

Немцы дрались с отчаянием обречённых. Многие из них, и солдаты, и офицеры, понимали, что это последний бой. Рокоссовский, всматриваясь в лица бойцов, которым предстояло идти в атаку, с болью понимал, что многие из них через несколько часов погибнут от огня изготовившегося к обороне противника, не пожелавшего сложить оружие и знамёна.

Спротивление немцев оказалось действительно жестоким, а потери наступавших пехотных и танковых частей Донского фронта довольно ощутимыми.

Маршал потом вспоминал: “Непрерывные многодневные бои в суровых условиях утомили и наши войска. К тому же мы несли потери не только от вражеского огня, но и от холода.

Бойцы всё время находились под открытым небом, без возможности хотя бы время от времени отогреться. Потери личного состава увеличивались, а все источники, откуда мы раньше черпали пополнение, иссякли. Между тем сопротивление противника не уменьшалось, так как по мере сокращения занимаемой им территории уплотнялись его боевые порядки.

Малочисленность пехоты вынуждала нас всю тяжесть прогрызания вражеской обороны возлагать на артиллерию. Пехоту мы в основном стали использовать лишь для укрепления захваченного рубежа.

Бывая часто на позициях, я видел, что собой представлял тогда боевой порядок наступавших войск. Жиденькие цепочки бойцов двигались по заснеженному полю. За ними поэшелонно двигались орудия прямой наводки. На линии орудий людей оказывалось больше — это были артиллеристы, обслуживавшие пушки. На огромном пространстве виднелось до десятка танков, за которыми, то припадая к земле, то вскакивая, перемещались мелкие группы пехотинцев. Артиллерия, действовавшая с закрытых позиций, сопровождала своим огнём весь этот боевой порядок, нанося удары по отдельным участкам. Время от времени обрушивались на противника залпы “катюш”. Штурмовая авиация даже в самых сложных условиях также старалась поддерживать действия нашей малочисленной пехоты, нанося удары по очагам сопротивления группами самолётов, а в туман — и одиночными самолётами”.

Двадцать шестого января “котёл” был рассечён встречными ударами северной и южной группировок Донского фронта. И снова, когда положение окружённых стало абсолютно гибельным, появилась надежда на прекращение сопротивления. Но противник не сложил оружия и теперь.

Как писал впоследствии Рокоссовский, оставалось одно — “применить силу”.

Тридцать первого января южная группировка сталинградского “котла” прекратила своё существование. Её командующий генерал Фридрих Роске принял капитуляцию.

Накануне в штабе 6-й армии разыгрался финальный акт драмы сталинградского “котла”. Паулюс передал командование южной группировкой генерал-майору, командиру 71-й пехотной дивизии Фридриху Роске, и северной — генерал-полковнику Карлу Штрекеру. Именно тогда из Берлина в Сталинград поступила телефонограмма, её принёс Паулюсу начальник штаба генерал Артур Шмидт: “Господин генерал, поздравляю вас с производством в фельдмаршалы”. Вместе с выпиской из приказа о производстве в папке лежало поздравление от фюрера, оно было кратким: “Ещё ни один немецкий фельдмаршал не попадал в плен”. Фельдмаршал некоторое время держал лист в дрожащей руке и, наконец, сказал:

— Должно быть, это приглашение к самоубийству. Но я не доставлю им этого удовольствия.

Напротив входа в подвал полуразрушенного здания, где располагался штаб 6-й армии, уже стояла советская “тридцатьчетвёрка”, ствол её был опущен на уровень подвального помещения. Начались переговоры о сдаче.

Полковник Адам, который вместе с генералом Роске вёл переговоры о сдаче, впоследствии вспоминал: “Большой въезд в подвал был закрыт и охранялся часовым Красной Армии. Дежурный офицер разрешил мне с водителем пройти во двор, где стояли автомашины.

Поражённый, я остановился.

Советские и немецкие солдаты, ещё несколько часов назад стрелявшие друг в друга, во дворе мирно стояли рядом, держа оружие в руках или на ремне. Но как потрясающе разнились их внешний облик!

Немецкие солдаты — ободранные, в тонких шинелях поверх обветшалой форменной одежды, худые, как скелеты, истощённые до полусмерти фигуры с запавшими, небритыми лицами. Солдаты Красной Армии — сытые, полные сил, в прекрасном зимнем обмундировании. Я вспомнил о цепях счастья и несчастья, которые не давали мне покоя прошлой ночью.

Внешний облик солдат Красной Армии казался мне символичным — это был облик победителя. Глубоко взволнован был я и другим обстоятельством. Наших солдат не били и тем более не расстреливали. Советские солдаты среди развалин своего разрушенного немцами города вытаскивали из карманов и предлагали немецким солдатам, этим полутрупам, свой кусок хлеба, папиросы и махорку. Ровно в 9 часов прибыл начальник штаба советской 64-й армии, чтобы забрать командующего разбитой немецкой 6-й армии и его штаб”.

Вначале пленного фельдмаршала допросил командующий 64-й армией генерал М. С. Шумилов:

— Вас пленили части Шестьдесят четвёртой армии, которые дрались с вами начиная от Дона и кончая Сталинградом. Жизнь, безопасность, мундир и ордена вам сохраняются. Части Шестьдесят четвёртой армии это гарантируют. Господин фельдмаршал, прошу мне сообщить о причине непринятия ультиматума командующего Донским фронтом генерал-полковника товарища Рокоссовского, когда было предложено вам сложить оружие.

Паулюс ответил:

— Русский генерал поступил бы так же, как и я. Я имел приказ драться и не должен был нарушать этого приказа.

Из штаба генерала Шумилова Паулюса и его ближайших офицеров повезли в штаб Донского фронта.

Любопытные воспоминания оставил Лев Безыменский, в те дни военный переводчик разведотдела штаба Донского фронта: “Как это часто бывает, большое и серьёзное событие началось с комического эпизода. Когда телеграфный аппарат на узле связи штаба Донского фронта 25 января 1943 года принял сообщение о пленении первого немецкого генерала из состава окружённой у Волги 6-й немецкой армии, этому сообщению никто не поверил. Не потому, что кто-либо сомневался в факте пленения немецкого генерала. Наступление по плану “Кольцо” проводилось войсками Донского фронта уже пятнадцатый день, и было ясно, что рано или поздно генералы германского вермахта попадут в плен. Дело было не в том. Удивление вызвала фамилия командира 297-й немецкой пехотной дивизии: Дрabbер. Такого генерала, по всем данным, в окружённой группировке не было. Из штаба фронта в штаб армии пошла телеграмма с просьбой немедленно уточнить фамилию пленного. Через некоторое время пришёл ответ: не Дрabbер, а Дроббер. Дальше пришёл ещё вариант: не Дроббер, а Дробке. Наконец, когда офицеры штаба армии получили возможность лично допросить пленного генерала, то оказалось, что имя его — Мориц фон Дреббер. Выяснилось и другое обстоятельство: Дреббер получил генеральское звание за несколько дней до пленения и, разумеется, не числился в списке генералов 6-й армии.

Итак, в плен был взят первый немецкий генерал. В суматохе штабной работы, в непрерывном шуме аппаратов Бодо, которые принимали донесения от наступающих армий, как-то не было времени задуматься над значением этого факта. После долгих месяцев поражений, после горьких потерь, невероятного напряжения сил мы как-то ещё не успели ощутить, что здесь, в волжских степях, война вступила в новую качественную стадию. И это обстоятельство “весомо, грубо, зримо” находило свое выражение в облике германских генералов, которые, начиная с 25 января, потянулись цепочкой

в деревню Заварыгино — туда, где находился штаб Донского фронта, которым командовал генерал-полковник Константин Константинович Рокоссовский.

Мориц фон Дреббер был первым пленным генералом, но не последним. Начиная с 25 января штабы армий Донского фронта каждый день докладывали о пленении огромных масс немецких солдат и офицеров. Немало было и генералов. Это создало для штаба фронта необычную задачу: как разместить пленных генералов? Деревушка Заварыгино, в которой находился штаб фронта, и без того была забита до отказа. Но по распоряжению начальника штаба фронта генерала М. С. Малинина комендант штаба полковник Якимович приступил к созданию необычного генеральского городка. Я был в числе офицеров разведотделов, выделенных в распоряжение Якимовича.

Несколько домиков было отведено специально для размещения пленных генералов 6-й армии. К ним то и дело подъезжали машины, из которых, сторбившись и ежась от мороза, выходили люди с генеральскими погонами немецкой армии. Одежда их, правда, сильно отличалась от парадной. На головах генералов красовались меховые шапки самых невероятных фасонов, шеи были замотаны шарфами и совсем не по форме, руки были заперты в самодельные рукавицы.

31 января из штаба 64-й армии Донского фронта пришло сообщение, заставившее всех взволноваться: в плен взяты командующий 6-й армией генерал-фельдмаршал Фридрих Паулюс, начальник его штаба генерал-лейтенант Артур Шмидт, первый адъютант полковник Адам и группа штабных офицеров. После недолгого допроса в штабе генерала Шумилова Паулюс был перевезён в штаб фронта в деревню Заварыгино, где ему был отведён отдельный домик.

Я мог наблюдать, как к этому домику подкатил огромный немецкий штабной автомобиль со штандартом командующего армией, и из него, слегка ссутулившись, вышел высокий человек в меховой шапке. Сразу бросилось в глаза, что лицо фельдмаршала беспрерывно поддёргивалось. Первый тик искажал лицо Паулюса, и он с ним с трудом боролся.

1 февраля 1943 года было очень холодным, как, впрочем, и все предыдущие дни. Поздно вечером 31 января комендант штаба Донского фронта полковник Якимович получил распоряжение доставить фельдмаршала Паулюса на первый допрос. На этот раз мы сели с полковником не в машину Паулюса, а в штабную “эмку” и поехали к домику Паулюса. Когда фельдмаршалу сообщили, что он сейчас предстанет перед лицом советского командования, черты его лица ещё более обострились. Не сказав ни единого слова, Паулюс стал медленно одеваться.

Расстояние было небольшим, и через несколько минут мы оказались у дома, где жил представитель Ставки Верховного командования генерал-полковник артиллерии Н. Н. Воронов. Надо прямо сказать, что это помещение не было специально приспособлено для приёма фельдмаршалов. Обыкновенная изба, состоявшая из нескольких комнат, с очень тесной передней. Впрочем, Воронов решил корреспондентов не пускать на допрос. Исключение было сделано только для Романа Лазаревича Кармена — прославленного кинооператора. Ему и принадлежит единственный сохранившийся снимок допроса Паулюса.

Медленно переступая по ступенькам, фельдмаршал поднялся на крыльцо, вошёл в переднюю, разделся и, обратившись ко мне, спросил:

— Скажите, как мне различить Воронова и Рокоссовского?

Заглянув в комнату, я сориентировался и сказал, что Воронов будет сидеть в центре, а Рокоссовский — слева от него. Паулюс молча кивнул и вошёл в комнату. Перед ним сидели Воронов, Рокоссовский и переводчик, капитан Дятленко. Комната была пуста и, стоя у занавески входной двери, я по приказанию Н. Н. Воронова дал возможность Роману Кармену сделать свой снимок через моё плечо.

Допрос продолжался недолго. Воронов, который вёл беседу, предложил Паулюсу отдать продолжавшей драться группе немецких войск приказ прекратить военные действия, чтобы избежать напрасного кровопролития. Паулюс выслушал, тяжело вздохнул и отказался, сославшись на то, что он, мол,

военнопленный и его приказы недействительны. Воронов повторил своё предложение, подробно его обосновав. Нервное возбуждение Паулюса усилилось, левая часть его лица стала ещё чаще подёргиваться. Но когда Паулюс заговорил, Рокоссовский и Воронов услышали всё тот же ответ.

После этого Воронов спросил Паулюса, какой режим питания ему установить, чтобы не нанести вреда его здоровью? Лицо пленного выразило крайнее удивление. Он ответил, что ему ничего особенного не надо, но он просит хорошо относиться к раненым и больным немецким солдатам и офицерам.

Воронов сказал:

— Советская армия гуманно относится к пленным. Но советские медицинские работники встретились с большими трудностями, ибо немецкий медицинский персонал бросил на произвол судьбы немецкие госпитали.

Паулюс долго медлил с ответом и с трудом произнёс:

— Господин генерал, бывает на войне такое положение, когда приказы командования не исполняются...

После этого вопрос был закончен. Паулюс встал, вытянулся, отсалютовал советским генералам и, повернувшись к двери, вышел. Надев свою тяжёлую шинель, он собирался уже было выйти к машине, но внезапно обратился к полковнику Якимовичу:

— Господин полковник, не мог бы я пройти пешком до моего дома?

Якимович отвечал, что на улице очень холодно и что лучше бы поехать на машине. Когда я переводил эти слова, на лице Паулюса было написано явное желание настаивать на своей просьбе.

— Ну, что ж, — сказал Якимович, — если вам угодно...

Он доложил начальству. Согласие было получено. Мы вышли на улицу и молча двинулись по дороге втроём. Где-то сзади шли конвоиры. Была морозная, звёздная ночь, совершенно тихая и спокойная. Снег скрипел под сапогами. И вдруг Паулюс, повернувшись в мою сторону, сказал:

— Вы знаете, я много месяцев не видел звёздного неба”.

Финал этого отрывка, конечно же, трогателен, но отказ главного действующего лица сцены под звёздным небом в Зварыгине от возможности спасения своих солдат от смерти делает сцену чудовищной...

В воспоминаниях военного переводчика командующий Донского фронта странно пассивен. Он не задаёт пленному фельдмаршалу ни одного вопроса. Либо вопросы Рокоссовского показались Безыменскому столь малозначительными, что тот не счёл нужным включить их в текст.

У нас есть возможность сравнить воспоминания о той встрече с впечатлениями самого Рокоссовского: “В помещении, куда должны были привести Паулюса, находились мы с Вороновым и переводчик. Комната освещалась электрическим светом, мы сидели за небольшим столом и, нужно сказать, с интересом ожидали этой встречи. Наконец, открылась дверь, вошедший дежурный офицер доложил нам о прибытии военнопленного фельдмаршала и тут же, посторонившись, пропустил его в комнату.

Мы увидели высокого, худощавого и довольно стройного генерала, остановившегося навтыжку перед нами. Мы пригласили его присесть к столу. На столе у нас были сигары и папиросы. Я предложил их фельдмаршалу, закурил и сам (Николай Николаевич не курил). Предложили Паулюсу выпить стакан горячего чая. Он охотно согласился.

Наша беседа не носила характера вопроса. Это был разговор на текущие темы, главным образом, о положении военнопленных солдат и офицеров. В самом начале фельдмаршал высказал надежду, что мы не заставим его отвечать на вопросы, которые вели бы к нарушению им присяги. Мы обещали таких вопросов не касаться. К концу беседы предложили Паулюсу дать распоряжение подчинённым ему войскам, находившимся в северной группе, о прекращении бесцельного сопротивления. Он уклонился от этого, сославшись на то, что он как военнопленный не имеет права давать такое распоряжение. На этом закончилась наша первая встреча. Фельдмаршала увели в отведённое для него помещение, где были созданы приличные условия.

Северная группа не сложила оружия. Готовим по ней новый удар. Сразу после разговора с Паулюсом я отправился на командный пункт командарма

Батова, взяв с собой Казакова и Орла. К рассвету мы были вместе с Батовым на его наблюдательном пункте, который располагался на железнодорожной насыпи. Отсюда прекрасно просматривалась впередилежащая местность.

Из докладов командующих армиями Чуйкова и Жадова явствовало, что их войска к действиям готовы и что противник не намерен сложить оружие. Что ж, придётся заставить его силой. А пока над полем боя воцарилась полная тишина. Не слышно было даже одиночных выстрелов”.

А дальше Рокоссовский, обычно сдержанный, рассказывая о 1 февраля, последнем ударе по северной группировке генерала Штрекера, дал волю чувствам: “Наступал рассвет, и с нашего наблюдательного пункта стали уже просматриваться ближайшие, расположенные позади нас артиллерийские позиции. Особенно рельефно выделялись длинные ряды реактивных минометов — “катюш”. Мне, старому коннику, они напомнили построенные для атаки развернутым фронтом кавалерийские эскадроны. Об этом я сказал Батову и другим товарищам. Они согласились: действительно, похоже”.

Как и в годы командирской юности, перед атакой он снова чувствовал себя в конном строю, в седле, как будто вот-вот, словно с небес, должна прозвучать команда: “Шашки вон! Пики — к бою! В атаку — марш-марш!”

Удар по северной группировке был ещё мощнее и сокрушительней. Сюда подтянули часть артиллерии, высвободившейся после ликвидации южной части “котла”. Самолёты 16-й воздушной армии тоже сконцентрировали свои удары по целям северной группировки. “Всё делалось так, — вспоминал маршал, — чтобы в предстоящем бою наши войска понесли как можно меньшие потери”.

Сразу после массивованного авианалёта и артподготовки в дыму и копоти чёрного снега изготовившиеся к атаке войска увидели копошащиеся фигурки с белыми флагами.

Однако на отдельных участках сопротивление продолжалось ещё около суток. И только на следующий день сдача в плен остатков группы Штрекера приняла массовый характер.

Со сталинградской группировкой 6-й армии было покончено.

Победители начали делить трофеи.

История свидетельствует о том, что для многих из вчерашних героев, прошедших огонь и воду, а также сталинградские морозы и железные метели, непреодолимыми оказались медные трубы...

Из сообщения 2-го отдела 3-го УНКВД СССР

в УОО НКВД СССР об отрицательных явлениях в частях Донского фронта

5 марта 1943 г.

В штабы армий и штаб фронта приходят донесения, одно из которых всегда исключает другое.

Зам. нач. отдела кадров Донфронта подполковник Николаенко говорит: *“Мне приходится разбирать наградные материалы. Командиры дивизий вносят невероятную путаницу в эти дела. В частности, взятие хутора Вертячий приписывают себе несколько дивизий, в том числе 252-я, которая проходила стороной. Чудовищно разрослись споры генералов, мешающие созданию ясной картины военных действий и, в конечном итоге, мешающие ведению войны”.*

В ряде случаев на Донфронте имело место зазнайство. Источник провёл несколько дней в штабе 62 армии, исключительно стойко дравшейся в Сталинграде. Однако у руководителей армии были настроения зазнайства. Генерал-лейтенант Гуров, член ВС, во всех разговорах подчёркивал, что только армии, бывшие в Сталинграде (62 и 64), могут считать себя защитниками Сталинграда. Эти настроения проявились на митинге в Сталинграде 4 февраля, где о Рокоссовском просто не упомянули.

Члены Военного совета 62 армии занимались восхвалением друг друга и нашли даже своего певца-писателя Николая Вирта, выступившего в “Правде” со статьями, которые в Москве писатели в шутку называют “Ум и мудрость Чуйкова”.

Начальник ПУ Донфронта генерал Галаджев говорил источнику:

“Я имею ряд сигналов, что ВС 62 армии презрительно относится к нам, штабу Донфронта. У генерала Гурова, видимо, закружилась голова от успехов, и это к добру не приведёт. Дело не в штабе фронта, не в отношении к отдельным лицам, а в отношении Гурова к самому себе”.

В этом свете некрасиво выглядит поведение ВС 62 по отношению к Герою Советского Союза генералу Родимцеву, командиру 13 гвардейской дивизии.

В своё время (осень 1942 г.) цензура разрешала писать о Родимцеве, так как он широко известен за границей. Материалы о Сталинграде шли, главным образом, из дивизии Родимцева, сыгравшей большую роль в спасении Сталинграда. Генерал-лейтенанты Чуйков и Гуров обиделись на это, Гуров прямо говорил источнику: *“Всю славу Сталинграда отдали Родимцеву”*. Вокруг Родимцева создали нездоровую атмосферу, пошли даже разговоры явно недостойные: *“Родимцев — генерал для газет, он ничего не сделал”* и т. д.

ВС 62 представил Родимцева к ордену Суворова, а потом прислал в штаб ДФ телеграмму с отменой представления. Родимцев — почти единственный командир соединения, не награждённый за Сталинград.

Сам Родимцев говорил источнику:

“Вокруг моей дивизии идёт возня, которая ничего не стоит и не имеет оснований”.

Помощник т. Хрущёва, подполковник Гапочка, не бывший в последнее время в Сталинграде, видимо, со слов тех же командиров говорил источнику, что Родимцев зазнался.

Писатель К. Симонов, бывший недавно у командующего 64 армией генерал-лейтенанта Шумилова, рассказывает:

“Шумилов просто не может слышать имени Родимцева. Дело объясняется просто: генерал-лейтенант Чуйков, друг Шумилова, всеми силами старается зажать Родимцева, ревнуя его к его славе”.

Кинооператор Р. Кармен говорит:

“С Родимцевым делают странные вещи. Его хотят всячески принизить, хотя он как герой выходит за рамки обычного командира дивизии”.

В. Ильин”.

В дележе сталинградских трофеев наш герой не участвовал.

Но именно ему, как свидетельствует молва, достался главный трофей Сталинградской битвы: Паулюс передал Рокоссовскому своё личное оружие — пистолет. Как побеждённый — победителю.

Сталин тоже воздал должное одному из лучших своих полководцев. 15 января вышел указ о присвоении очередного воинского звания генерал-полковник. А 5 февраля Рокоссовский был награждён орденом Суворова 1-й степени.

В торжествах по случаю освобождения Сталинграда от немецких войск и победы на Волге Рокоссовский не участвовал. Такой высокой чести, так сказать, не был удостоен.

Слава победителя Паулюса не давала покоя многим генералам Сталинграда из числа “истинных сталинградцев”. Некоторые из них считали, что Рокоссовский пришёл фактически добывать зверя, когда тот был уже загнан в угол и положен на лопатки. Кстати, именно в том же будут упрекать потом Жукова, который придёт “на готовое” на 1-й Белорусский фронт “добывать зверя” в его “логове”.

Четвёртого февраля 1943 года в Сталинграде прошёл праздничный митинг. На нём выступили генералы Чуйков, Шумилов, Родимцев, Хрущёв, руководители города. Дольше всех выступал Хрущёв. В 1963 году на праздничном митинге по случаю 20-летия освобождения города на реке Царице Хрущёв снова выступит по-хозяйски пространно, “как главный участник этого события”. Город будет носить имя Волгограда, и табу на слово “Сталинград” с хрущёвской поры будет действовать долго. Не снято оно и донныне.

Рокоссовский тем временем срочно убыл в Москву.

RODZINNY POLSKA!*

Историк группы армий “Центр” Вернер Хаупт о тех днях писал: “...под Минском бои ещё продолжались. В густых лесах и топких болотах восточнее города продолжали истекать кровью 28 дивизий и 350 000 их солдат. Силы группы армий “Центр” иссякли.

Хотя фельдмаршалу Моделю западнее Минска снова удалось создать линию обороны, на которой расположились 4-я, 5-я и 12-я танковые, 28-я егерская, 50-я и 170-я пехотные дивизии, вокруг которых собирались остатки разгромленных частей, но 8 июля пали Барановичи, 9 июля — Лида, 13 июля — Вильнюс, 16 июля — Гродно, а 28 июля — Брест.

Группа армий “Центр” снова стояла там, откуда 22 июня 1941 года отправилась в поход против Советского Союза.

Позади остались тысячи кладбищ с похороненными на них военнослужащими всех званий. Позади остались эшелоны с тысячами пленных, ехавших в неизвестность всё дальше на восток...

История группы армий “Центр”, наиболее мощного объединения немецких сухопутных войск, три года назад перешедшего советско-германскую границу, на этом завершилась”.

Ещё в начале июля, когда авангарды 48-й и 65-й армий дрались в районе Барановичей, формируя очередной “котёл”, Ставка утвердила план штаба 1-го Белорусского фронта на проведение Люблин-Брестской наступательной операции. По замыслу Рокоссовского, войска фронта должны были уничтожить люблинскую и брестскую группировки противника охватывающими ударами в обход Брестского укрепрайона с севера и с юга, а затем, продолжая наступать на варшавском направлении, выйти на рубеж реки Вислы.

Наступление началось 18 июля. Пять общевойсковых, одна танковая и одна воздушная армии обрушились на вновь созданную оборону противника. В те дни остатки группы армий “Центр” и резервами, срочно переброшенными на варшавское направление с других участков Восточного фронта, командовал “гений обороны” фельдмаршал Модель. Он заменил фельдмаршала Буша ещё 28 июня и прибыл в штаб группы армий в Лиду, чтобы остановить бегущие войска, собрать их на новой линии и остановить разразившуюся катастрофу. Модель прибыл в Белоруссию не один. В ближайшие же дни с южного и северного участков восточного фронта сюда начали стягиваться резервы. До 16 июля на латание дыр и ликвидацию в своей обороне образовавшихся брешей немцы перебросили в распоряжение Моделя 46 дивизий и четыре бригады. Среди них были также венгерские и французские части. Но ни Минск, ни Лиду, ни Барановичи новый командующий удержать не смог. Потому что гению обороны пришлось противостоять гению наступления.

Двадцатого июля в рамках Люблин-Брестской операции войска 1-го Белорусского фронта продолжали развивать наступление в направлениях Бельск — Брест — Холм. 61-я армия генерала Белова в этот день овладела Кобринюм. 47-я армия генерала Гусева главными силами вышла на восточный берег реки Западный Буг и дивизиями левого крыла с ходу форсировала реку. 8-я гвардейская армия генерала Чуйкова, снова переданная фронту Рокоссовского, захватила переправы в районе Опалина, успешно переправила на западный берег тяжёлое вооружение и технику и энергично расширяла плацдарм. 69-я армия генерала Колпакчи главными силами вышла к Западному Бугу и начала переправу.

Рокоссовский с офицерами штаба приехал на берег Западного Буга на одну из переправ в тот момент, когда реку гнедым, вороным и разномастным потоком переходила конница. Командир 2-го гвардейского кавалерийского корпуса генерал Крюков подлетел к машине на пыльном коне, спешился и браво доложил.

* Родная Польша!

Маршал некоторые время смотрел на поток конницы, на то, как всадники умело и ловко управляли своими лошадьми и быстро выскакивали на песчаный западный берег. Некоторые — в простых армейских гимнастёрках, другие — в чёрных бешметах с газырями и все, несмотря на летнюю жару, — в кубанках, лихо, по-казачьи сдвинутых на затылок. Кавалерия!

Всё это: конница, нескончаемым потоком текущая через Западный Буг, и пейзаж на той стороне реки, всколыхнули в маршале далёкое прошлое. Там, за рекой была уже *godziny Polska*.

Ровно тридцать лет назад судьба унесла его, восемнадцатилетнего драгуна Каргопольского полка, из родной Польши вначале на фронт Первой мировой, потом — гражданской, затем — в далёкую Даурию, в Монголию и Китай. А теперь он возвращался сюда с огромным, миллионным войском в чине маршала уже другой страны.

Ни в мемуарах, ни в письмах семье, ни в воспоминаниях тех, кто в те дни был с ним рядом, Рокоссовский не оставил и следа того настроения, того душевного состояния, которое наверняка владело им. Что думал он, стоя на песчаный берег родной Польши?

Во втором эшелоне ударной группировки фронта шли части Первой Польской армии, в том числе и пехотная дивизия им. Тадеуша Костюшко. Ещё 6 мая 1943 года Государственный комитет обороны СССР издал постановление № 3294 “О формировании 1-й польской пехотной дивизии имени Тадеуша Костюшко”. Дивизия вскоре была сформирована в Селецких лагерях под Рязанью. Комплектовалась и обеспечивалась по гвардейским штатам РККА. Численность дивизии им. Тадеуша Костюшко — 14 800 человек. Формировалась по инициативе “Союза польских патриотов” исключительно из польских граждан СССР. Три полка и различные службы. Кроме того, в дивизию входил 1-й женский пехотный батальон им. Эмилии Плятер. В стадии формирования находился танковый полк. Дивизию обмундировали в польскую униформу образца 1939 года. Однако знаки различия у неё появились свои. Кокардой стал “пястовский орёл”, близкий душе каждого этнического поляка. В 1955 году дивизию преобразуют в 1-ю Варшавскую механизированную дивизию Войска Польского. Первая польская армия 21 июля объединилась с партизанской Армией Людовой в единое Народное Войско Польское. Ради исторической правды надо заметить, что все воины Войска Польского, имевшие советское гражданство, пользовались всеми налоговыми и иными льготами наравне с солдатами и офицерами РККА: семьи военнослужащих получали пенсии и пособия, в том числе имели “право на получение дополнительной материальной помощи и на земельные участки под индивидуальные и коллективные огороды”. В Войске Польском не хватало офицеров, и Рокоссовский направил в их дивизии и полки советских офицеров.

Генералы же у поляков были свои — Зигмунд Берлинг, Александр Завадский, Кароль Сверчевский, Владислав Корчиц. Как вскоре убедился Рокоссовский, это были хорошие, опытные командиры, храбрые офицеры.

Первые бои частей Войска Польского показали их высокий боевой дух, но и выявили многие недостатки подготовки солдат. Опыт и навыки пришлось приобретать уже непосредственно в ходе наступления.

Двадцать третьего июля был взят Люблин. Первый крупный польский город, освобождённый Красной армией совместно с Войском Польским. Двумя днями раньше на освобождённой польской земле патриотически настроенные поляками создали “Польский комитет национального освобождения”, взявший на себя роль центрального исполнительного органа народной власти. Комитет тут же издал манифест:

“Поляки на родине и в эмиграции!
Поляки под немецким игом!
Соотечественники!

Пробил час освобождения. Польская армия вместе с Красной Армией перешла через Буг. Польский солдат сражается на своей родимой земле. Над истерзанной Польшей вновь реют бело-красные флаги...”

В день освобождения Люблина на Замковой площади собрались тысячи горожан. Начался митинг. Полякам объявили о создании “Польского комитета национального освобождения”. Состоялся парад Войска Польского. Поляки ликовали: “Мы ждали освобождения с востока и не ошиблись!” Когда слово дали командующему советскими войсками, высокому стройному маршалу, тот неожиданно заговорил по-польски. Толпа ликовала.

В те же дни командующий Армии Крайовой генерал Тадеуш Бур-Коморовский писал *своей* манифест: “В Польшу вступают Советы, одной из целей которых является ликвидация независимости Польши* или, по меньшей мере, политического подчинения её Советам после того, как у Польши отрежут восточные области. Без чёткого представления такого положения нельзя добиться мобилизации всех польских сил в политической кампании, которую мы должны вести против России и выиграть её. В этой кампании рассчитывать на помощь англосаксов мы можем только в том случае, если продемонстрируем решительную волю её выиграть и умело бросим на чашу весов все средства. Способы действия Советов будут разнообразными и очень гибкими, они могут выражаться как в грубой форме оккупации и террора, так и во внешне доброжелательном воздержании от вмешательства во внутренние польские дела при одновременном возбуждении части общества и распространении анархии сверху, чтобы потом вмешаться от имени части польского народа или для наведения порядка.

Нашим решением должно быть:

1. Не прекращать ни на минуту борьбы с немцами.

2. Духовно мобилизовать на борьбу против России всё общество в стране, не исключая те элементы, которые могли бы попасть под советское влияние и способствовать разложению единого польского фронта.

3. Преодолеть провокационную деятельность профашистской организации ОНР** , которая своими безответственными выступлениями может нарушить единство польского фронта, что можно представить как диверсию, такую желанную для Советов.

4. Оттянуть от Советов как можно больше польских элементов, которые уже находятся в их распоряжении и используются как польская карта в международной игре.

5. В случае попытки захвата Польши начать открытую борьбу против Советов”.

Это была другая Польша. И она встретила своих освободителей враждебно. Бур-Коморовский и его партия, как мы видим, при приближении Красной армии и Войска Польского к Варшаве призвали поляков ни много ни мало “на борьбу против России”.

Польская тема... Как запутана и трудна она!

В конце июля наши войска вели тяжёлые бои в Прибалтике и Восточной Пруссии. Южнее позиций наступающих армий Рокоссовского части 1-го Украинского фронта проводили Львовско-Сандомирскую наступательную операцию.

* О какой независимости Польши под немцами (с 1939 года) могла идти речь, когда в период оккупации исчезло даже само название – Польша. Оккупационные власти учредили “Генерал-губернаторство Польша”. По итогам Второй мировой войны Польша территориально значительно увеличилась за счёт раздела Восточной Пруссии – ей отошла большая часть этой земли. Польша не входила в число государств-победительниц, но, если иметь в виду территориальные приобретения, то фактически являлась именно таковым. При этом надо помнить, что огромное количество поляков воевало в рядах вермахта и СС. Исследователи называют цифру в 315 000 человек. Это значительно больше всего Войска Польского образца 1944 года, когда оно в составе 1-го Белорусского фронта вступило в дело под Варшавой. В советском плену к 1943 году оказалось 60 280 поляков, воевавших в германской армии. Часть их пошла на формирование польских дивизий Войска Польского.

** Праворадикальная партия “Народно-радикальный лагерь”. В начале 40-х годов ориентировалась на образец фашистской Италии. ОНР-Фаланга боролась за так называемый “католический тоталитаризм”. Во время оккупации Польши составляла группировку “Конфедерация народов”, входившую в Армию Крайову.

Армии 1-го Белорусского фронта, расправившись с окружённой брестской группировкой, продолжали атаковать на варшавском направлении, охватом польской столицы с юго-востока и юга. Однако сопротивление противника в какой-то момент стало непреодолимым.

Приведу хронику боёв в секторе войск Рокоссовского в канун Варшавского восстания и во время боёв повстанцев с немецким гарнизоном.

29 июля 1944 года

2-я танковая армия, обходя опорные пункты противника, наступала в направлении на Варшаву. Авангарды 69-й армии на подручных средствах форсировали Вислу и начали с боем расширять захваченные плацдармы. 28-я армия во взаимодействии с частями 70-й армии закончила ликвидацию последних очагов сопротивления окружённой группировки противника в районе западнее Бреста.

30 июля 1944 года

Войска продолжали наступление в направлениях Цехановец — Соколув-Подляски — Варшава. Имели продвижение на некоторых участках до 15 километров. 48-я армия овладела городом Бельск. Конно-механизированная группа продолжала упорные бои за город Седльце. 2-я танковая армия, наступая на варшавском направлении, овладела городом Отвоцк. 69-я армия вела бои на западном берегу Вислы, продолжая форсирование реки и расширение плацдармов.

В этот день вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении Рокоссовскому звания Героя Советского Союза.

31 июля 1944 года

Войска фронта продолжали наступление в направлениях Соколув-Подляски — Варшава. Конники 2-го гвардейского кавалерийского корпуса овладели городом Седльце. 2-я танковая армия прорвалась к предместью Варшавы — Праге, — однако была отбита встречным контрударом сильной группировки противника (5 танковых и 2 пехотных дивизии). 3-й танковый корпус сдерживал противника, неоднократно контратаковавшего из района Праги. Сильные налёты авиации противника. 8-й гвардейский танковый корпус овладел городами Минск-Мазовецкий — Окунев. 1-я Польская армия предприняла попытку форсирования Вислы, но под мощным огнём противника вынуждена была отойти на исходные. 69-я армия в течение дня вела напряжённые бои за расширение плацдармов на западном берегу Вислы.

1 августа 1944 года

Ударная группировка левого крыла 1-го Белорусского фронта вышла к Варшаве с юго-востока. 2-я танковая армия при подходе к предместью Варшавы — Праге — встретила ожесточённое сопротивление противника, занимавшего заранее подготовленные к обороне рубежи. 8-я гвардейская армия после непродолжительного артналёта в 6:00 приступила к форсированию Вислы и в течение дня смогла с боем овладеть плацдармом шириной 15 километров и глубиной 10. Части 69-й армии была контратакованы превосходящими силами противника, оставили захваченные накануне плацдармы юго-восточнее Седльце и отошли на восточный берег Вислы.

2 августа 1944 года

Войска 1-го Белорусского фронта восточнее и южнее Соколув-Подляски продолжали наступление и продвинулись до 10 километров. 2-я танковая армия в районе северо-восточнее Варшавы отбивала контратаки противника. В результате напряжённого боя противнику удалось выбить части 2-й танковой армии из населённого пункта Зеленка, что в шести километрах северо-восточнее Праги. 8-я гвардейская армия Чуйкова вела тяжёлые бои по расширению плацдарма на западном берегу Вислы в районе восточнее Варки. 1-я Польская армия после неудачи при форсировании Вислы приводила себя в порядок и готовилась к новому броску на западный берег. Все плацдармы, занятые войсками Рокоссовского, подвергались мощным контратакам

противника. В этот день завершилась Люблин-Брестская операция. Её итог: войска 1-го Белорусского фронта вышли на рубеж западнее Суража, Цехановеца, севернее Калишина, восточнее Праги (предместья Варшавы) и далее на юг по линии Вислы.

3 августа 1944 года

Противник, опираясь на мощный рубеж обороны, продолжил контратаки при поддержке танков и авиации. Варшавская группировка, усиленная частями танковых дивизий СС “Викинг” и “Мёртвая голова”, а также 19-й танковой дивизией и танковой дивизией “Герман Геринг”, предприняла контрнаступление против 2-й танковой армии и потеснила наши войска в юго-восточном направлении. Оставлены Воломин, Надажин, Оссув. На левом крыле — контратаки с целью потеснить наши войска, переправившиеся на западный берег Вислы, и ликвидировать плацдармы.

В это время в Варшаве уже всюду полыхало восстание.

1 августа 1944 года называют одной из самых загадочных страниц истории Второй мировой войны. До сих пор точно не установлено, что это было: стихия, спонтанный бунт, переросший в восстание, которое самоорганизовывалось по ходу своего развития, или же продуманная и тщательно спланированная операция, которая зашла в тупик по причине недалёковидности и ошибочных действий своих организаторов и вождей-командиров.

Первого августа ближе всех к Варшаве подошла 2-я танковая армия генерала А. И. Радзиевского. Танкисты дрались на подступах к варшавским предместьям, ещё не зная, что там, в городе, вспыхнуло восстание. Никакой увязки с наступающими советскими войсками руководство восстания не предусматривало, кроме сражения с “отступающими германскими войсками” перед угрозой наступающих советских войск. То есть очень по-польски сыграть свою партию, когда два пана дерутся...

В книге “Солдатский долг” Рокоссовский уделил теме Варшавы целую главу, которая так и называется — “Варшава”: “Как только наши войска вступили в Польшу, перед нами возникло много сложных вопросов. На освобождённой территории, а она простиралась уже до Вислы, находилось много польских вооружённых отрядов, сражавшихся с оккупантами. Здесь были Гвардия Людова, Армия Людова, Армия Крайова, Батальоны хлопские. Были и смешанные партизанские отряды, руководимые советскими офицерами, оказавшимися по разным причинам на вражеской территории. Эти группы состояли из людей различных политических направлений, но объединённых единой целью борьбы с общим врагом.

Теперь, с приходом наших войск, они получили возможность слиться в могучую силу.

Польское население относилось к Красной Армии тепло и приветливо. Видно было, что народ искренне радуется нашему приходу и старается сделать всё, чтобы ускорить изгнание фашистских оккупантов. По мере продвижения вперед 1-я польская армия быстро пополнялась добровольцами из местного населения. В неё вливались части из Гвардии Людовой, Армии Людовой и других сил Сопротивления. И только АК — Армия Крайова — упорно держалась в стороне. От первой же встречи с представителями этой организации у нас остался неприятный осадок. Получив данные, что в лесах севернее Люблина находится польское соединение, именующее себя 7-й дивизией АК, мы решили послать туда для связи нескольких штабных командиров. Встреча состоялась. Офицеры-аковцы, носившие польскую форму, держались надменно, отвергли предложение о взаимодействии в боях против немецко-фашистских войск, заявили, что АК подчиняется только распоряжениям польского лондонского правительства и его уполномоченным... Они так определили отношение к нам: “Против Красной Армии оружие применять не будем, но и никаких контактов иметь не хотим”. Весьма пикантная позиция!

В Люблине тем временем стал действовать центральный орган народной власти — Польский Комитет национального освобождения. Он взял на себя решение всех подобных щекотливых вопросов.

По приглашению польского правительства я побывал в Люблине. Познакомился с большинством членов нового правительства. Это были патриоты своей родины и революционеры-интернационалисты. Тяжёлое бремя пришлось им взвалить тогда на свои плечи, но товарищи не унывали и настроены были оптимистически. Мы присутствовали на параде частей 1-й польской армии и демонстрации трудящихся Люблина. С этого времени у нас с польским правительством установилась тесная связь.

2 августа наши разведывательные органы получили данные, что в Варшаве будто бы началось восстание против немецко-фашистских оккупантов. Это известие сильно нас встревожило. Штаб фронта немедленно занялся сбором сведений и уточнением масштаба восстания и его характера. Всё произошло настолько неожиданно, что мы терялись в догадках и вначале думали: не немцы ли распространяют эти слухи, а если так, то с какой целью? Ведь, откровенно говоря, самым неудачным временем для начала восстания было именно то, в какое оно началось. Как будто руководители восстания нарочно выбрали время, чтобы потерпеть поражение... Вот такие мысли невольно лезли в голову. В это время 48-я и 65-я армии вели бои в ста с лишним километрах восточнее и северо-восточнее Варшавы (наше правое крыло было ослаблено уходом в резерв Ставки двух армий, а предстояло ещё, разгромив сильного противника, выйти к Нареву и овладеть плацдармами на его западном берегу). 70-я армия только что овладела Брестом и очищала район от остатков окружённых там немецких войск. 47-я армия вела бои в районе Седлеца фронтом на север. 2-я танковая армия, ввязавшись в бой на подступах к Праге (предместье Варшавы на восточном берегу Вислы), отражала контратаки танковых соединений противника. 1-я польская армия, 8-я гвардейская и 69-я форсировали Вислу южнее Варшавы у Магнушева и Пулавы, захватили и стали расширять плацдармы на её западном берегу — в этом состояла основная задача войск левого крыла, они могли и обязаны были её выполнить.

Вот таким было положение войск нашего фронта в момент, когда в столице Польши вспыхнуло восстание.

В своё время в западной печати нашлись злопыхатели, пытавшиеся обвинить войска 1-го Белорусского фронта, конечно, и меня как командующего в том, что мы якобы сознательно не поддержали варшавских повстанцев, обрекли их этим на гибель.

По своей глубине Белорусская операция не имеет себе равных. На правом крыле 1-го Белорусского фронта советские войска продвинулись более чем на 600 километров. Это стоило много сил и крови. Чтобы захватить Варшаву с её мощными укреплениями и многочисленным вражеским гарнизоном, требовалось время на пополнение и подготовку войск, подтягивание тылов. Но в те дни мы пошли бы на всё, чтобы поддержать восставших, объединить с ними наши усилия.

Но те, кто толкнул варшавян на восстание, не думали о соединении с приближавшимися войсками Советского Союза и польской армии. Они боялись этого. Они думали о другом: захватить в столице власть до прихода в Варшаву советских войск. Так приказывали господа из Лондона.

В своём могучем движении на запад, сметая все преграды на пути, войска нашего фронта перевыполнили свою задачу, захватив плацдармы для подготовки новой операции. Но чтобы начать её, требовалось время.

Да, Варшава была рядом — мы вели тяжёлые бои на подступах к Праге. Но каждый шаг давался с огромным трудом.

Я с группой офицеров побывал в сражавшейся здесь 2-й танковой армии. С наблюдательного пункта, расположенного на высокой заводской трубе, мы видели Варшаву. Город был в облаках дыма. Тут и там горели дома, вспыхивали разрывы бомб и снарядов. По всему чувствовалось, что в городе идёт бой.

Однако никакой связи с повстанцами мы пока не имели. Наши органы разведки старались связаться с ними любыми способами, но ничего не получалось”.

История с варшавским восстанием лишний раз напоминает старую истину о том, насколько грязное дело — политика. Вот и Рокоссовскому, этому

благородному рыцарю войны, пришлось почти оправдываться и перед историей, и перед поляками, и перед самим собой в том, что он тогда, в августе 1944 года, дрался честно, как солдат.

12 августа 1944 года

Войска 1-го Белорусского фронта снова пошли вперёд. Наступление развивалось в направлении Остров-Мазовецки — Вышкув. С тяжёлыми боями продвинулись до 8—15 километров. Противник по-прежнему атаковал порядки 8-й гвардейской армии Чуйкова, пытаясь сбить её с плацдарма. В ходе ожесточённых боёв части армии вынуждены были оставить населённые пункты Бронтин, Маленчин, Грабина, Ходков. Внезапной контратакой вновь возвращён Грабина.

13 августа 1944 года

В этот день сильнейшим контратакам подверглись войска соседнего 1-го Украинского фронта, проводившие Львовско-Сандомирскую наступательную операцию. Противник атаковал порядки 3-й гвардейской танковой и 13-й общевойсковой армий. Немцы впервые бросили в бой подразделение сверхмощных тяжёлых танков “Тигр-II”.

Войска 1-го Белорусского фронта действовали на прежних направлениях. Продвижение было незначительным. Потери велики.

16 августа 1944 года

Сильные контратаки противника юго-восточнее Тлуц. Бои ударной группировки 8-й гвардейской армии с целью расширения плацдарма южнее Пулавы. 70-я армия в результате контратак противника оставила населённые пункты Бальцеры, Куры, Дзенцелы и отошла на 1—2 километра.

В этот день Сталин писал Черчиллю: “...ознакомившись ближе с варшавским делом, я убедился, что варшавская акция представляет безрассудную ужасную авантюру, стоящую населению больших жертв. Этого не было бы, если бы советское командование было информировано до начала варшавской акции и если бы поляки поддерживали с последним контакт. При создавшемся положении советское командование пришло к выводу, что оно должно отмежеваться от варшавской авантюры, так как оно не может нести ни прямой, ни косвенной ответственности за варшавскую акцию...”

18 августа 1944 года

Войска правого крыла фронта, обнаружив отход противника, в 4:00 начали преследование в направлении Остров-Мазовецки, продвинувшись до 11 километров. На плацдарме с утра с новой силой вспыхнули бои; наши войска наступали юго-восточнее Варка и имели продвижение до 3 км.

19 августа 1944 года

В этот день войска соседнего 1-го Украинского фронта маршала Конева с трудом удерживали сформированный накануне “котёл” Сандомирской группировки противника. Немцы нанесли деблокирующий удар из района Ожарув силами танковых дивизий и прорвали коридор к сандомирской группировке. Последствия удара удалось ликвидировать, попытка дальнейшего развития наступления была пресечена.

Тем временем и в последующие дни войска 1-го Белорусского фронта вели наступательные бои, имея продвижение 2—3 километра в сутки при больших потерях.

29 августа 1944 года

Рокоссовский отдал приказ войскам прекратить атаки и перейти к обороне.

Наступательный ресурс ударных армейских группировок был израсходован. Войска устали. Взять такой крупный город, как Варшава, превращённый немцами в мощнейшую крепость с разветвлённой системой обороны, охватывающей ближние и дальние окрестности, — такая задача оказалась для

войск 1-го Белорусского фронта просто непосильной. Опыт взятия и зачистки крупных городов Рокоссовский и его штаб имели немалый, вспомнить хотя бы Сталинград. Но там была принципиально иная ситуация: полное окружение частично деморализованных войск, угнетаемых холодом, голодным пайком и неизвестностью. Восстание в Варшаве наступавшим ни сил, ни средств не прибавляло. Восставшие на контакт ни со штабом фронта, ни со штабами армий не шли.

В один из дней августа Рокоссовский приехал на передовой наблюдательный пункт 2-й танковой армии. НП генерала Радзиевского был устроен на высокой заводской трубе. С неё и без стереотрубы и бинокля Варшава была видна как на ладони. Город горел. Пожары вспыхивали то там, то там. На улицах шёл бой.

26 августа 1944 года в Люблине Рокоссовский в беседе с английским журналистом Александром Вертом по поводу происходящего в Варшаве сказал: “Бур-Коморовский вместе со своими приспешниками ввалился сюда, как рыжий в цирке, как тот клоун, что появляется на арене в самый неподходящий момент и оказывается завернутым в ковёр... Если бы здесь речь шла всего-навсего о клоунаде, это не имело бы никакого значения, но речь идёт о политической аванюре, и авантюра эта будет стоить Польше сотни тысяч жизней. Это ужасающая трагедия, и сейчас всю вину за неё пытаются переложить на нас. Мне больно думать о тысячах и тысячах людей, погибших в нашей борьбе за освобождение Польши. Неужели же вы считаете, что мы не взяли бы Варшаву, если бы были в состоянии это сделать? Сама мысль о том, будто мы в некотором смысле боимся Армии Крайовой, нелепа до идиотизма”.

Это сказано в самый разгар боёв, в известном смысле в пылу, и потому, как мне кажется, заслуживает особого внимания и доверия.

Заграничный поход Красной армии начинался более чем сложно. Мало того, что растягивались коммуникации и надо было постоянно подтягивать тылы, но и базы приходилось устраивать в незнакомой местности, где действовали оставленные абвером агенты, диверсанты, разведчики, а также группы и целые формирования, которые к Красной армии относились враждебно. Украинские и белорусские националистические формирования, остатки бригады Каминского, всякого рода “бандеровцы”, “мельниковцы”, “бульбовцы”. Немцы, уходя, оставили им достаточные арсеналы оружия и боеприпасов, снаряжение, продовольствие. В лесах и горах были оборудованы базы, схроны. Как только Красная армия заняла западные области Украины и Белоруссии, националистические батальоны (курени) начали активно действовать по тылам советских войск — на дорогах, в населённых пунктах, на станциях и даже в городах.

7 сентября 1944 года

Части соседнего 1-го Украинского фронта завершили начатую 22 августа масштабную операцию по зачистке тылов от националистических формирований. Операцию осуществляли войска НКВД, пополненные бывшими партизанами-ковпаковцами и пограничниками. Поддерживали их три кавалерийских и мотоциклетных полка. Во время операции было ликвидировано 36 вооружённых отрядов УПА и других формирований, насчитывавших 4 315 человек.

8 сентября 1944 года

После зачистки тылов войска маршала Конева начали Восточно-Карпатскую наступательную операцию. Цель: разгромить немецкую группировку в Восточных Карпатах и оказать помощь Словацкому национальному восстанию. В какой-то мере войска маршала Конева оказались в схожем положении, с той лишь разницей, что за карпатскими перевалами Красную армию ждали восставшие словаки. Хотя, как вскоре выяснится, противостояния с немецкими войсками не выдержат и они.

В этот день авангарды 3-й Украинского фронта вступили в Болгарию.

Начался заграничный поход Красной армии. На начальном этапе этого похода самое ожесточённое сопротивление наши войска встретили в Восточной Пруссии и в Польше.

11 сентября 1944 года

47-я и 70-я армии, часть сил 1-й Польской армии при поддержке авиации 16-й воздушной армии вели бой на подступах к Варшаве с целью овладения предместьем Прага.

13 сентября 1944 года

В ночь на 13 сентября части 47-й армии, действуя восточнее Варшавы, ворвались в Прагу. Мосты через Вислу оказались взорванными противником. Все попытки с ходу переправиться на западный берег успехом не увенчались. Не удалось это сделать и разведгруппам.

Ночами самолёты По-2 начали сбрасывать в расположение повстанцев контейнеры с медикаментами, оружием, боеприпасами и продовольствием. До 2 октября, когда восстание капитулировало перед немецким гарнизоном, наша авиация произвела 4 821 самолёто-вылет. Половина из них — боевые.

Странно вели себя руководители восстания. Казалось бы, овладей мостами, и Красная армия ворвалась бы по ним в Варшаву. Тысячи жизней были бы спасены, а город не подвергся бы таким разрушениям.

В последнее время наблюдался буквально взрыв публикаций по поводу Варшавского восстания. Среди них множество взрыв публикаций по поводу антифашистское восстание варшавян было спровоцировано и по существу управлялось гестапо. Немцам было выгодно превратить Польшу, её города и просторы в некую буферную зону, непроходимую для советских войск, застопорить их наступление, а самую значительную военную силу — Армию Крайову — сделать врагом Красной армии. Отчасти это получилось. Две силы столкнулись. Однако надо иметь в виду, что “гестаповская” версия — всего лишь версия.

Не зря фельдмаршала Моделя называли “гением обороны”. Варшавские ворота на Берлин для войск 1-го Белорусского фронта были заперты основательно и, как оказалось, надолго.

В ночь на 16 сентября батальоны генерала Берлинга 1-й Польской армии провели десантную операцию с целью форсирования Вислы и соединения с силами повстанцев в районе Чернякув в южных кварталах Варшавы. И тут происходит нечто, что затянуло узел ещё одной загадки восстания: за сутки по переправы, согласованной со штабом повстанцев, Бур-Коморовский сдаёт немцам единственный проход, соединявший район боёв с центром города и штабом Армии Крайовой. Об изменении ситуации ни в штаб 1-й Польской армии, ни в штаб 1-го Белорусского фронта никто не сообщил. В результате десантные группы пытаются высадиться на участки, занятые немецкими войсками. На командный пункт 1-й Польской армии в район Зелена в Праге утром 16 сентября прибыли маршалы Рокоссовский и Жуков для координации действий наступающих частей и поддерживающих их авиации и артиллерии. С 16 до 19 сентября, пока шли атаки, на плацдарм было переправлено до шести батальонов 1-й Польской армии и красноармейцев. Выжившие потом вспоминали, что такой яростной схватки не знали ни до этой высадки, ни после неё. 22 сентября пал последний плацдарм. Поляки потеряли во время боёв за плацдармы 6 500 человек. Красная армия — около 10 000 человек.

Вскоре Бур-Коморовский начал переговоры с командующим боевой группы “Фон дем Бах” обергруппенфюрером СС Эрихом фон дем Бахом-Зелевски. Фон дем Бах-Зелевски, этнический кашуб*, убеждённый нацист, член НСДАП с 1930 года, участник “Ночи длинных ножей”, в начале войны против СССР занимавший пост высшего руководителя СС и полиции в окку-

* Кашубы — западнославянская народность, происходящая из древнеславянского племени поморян. Проживала на севере современной Польши.

пированных районах Центральной России и Белоруссии, отличался буквальным садистской жестокостью в акциях, проводимых германскими оккупационными властями против местного населения занятых территорий и партизан. После массовых расстрелов и расправ в Риге, Минске, Могилёве и Брянских лесах он некоторое время провёл в психиатрической лечебнице в качестве пациента по причине сильного нервного расстройства и тяжёлой депрессии. Варшавское восстание он, к тому времени основательно подлечившись, подавлял с присущей ему энергией, изобретательностью и жестокостью. Карательные батальоны и немецкие войска, введённые в Старый город, разрезали кварталы на “повстанческие острова”, изолировали их и затем зачистили. Боевая группа “Фон дем Бах” насчитывала до 25 000 человек. В неё входили части дивизии “Герман Геринг”, охранный полк вермахта, зондерполк СС “Дирлевангер”, а также подразделения коллаборационистов — предателей из числа бывших советских военнослужащих и граждан, 5-й Кубанский казачий полк полковника Бондаренко, два батальона Восточно-мусульманского полка СС, сводный полк 29-й гренадерской (1-й Русской, сформированной на основе Бригады Каминского) дивизии СС под командованием майора Фролова. А также несколько батальонов Казачьего Стана, 631-й Украинский полицейский батальон “шццманшафт”, впоследствии вошедший в дивизию СС “Галичина”, полицейские отряды и части, сформированные из уроженцев Галиции, считавших себя этническими украинцами, украинский Легион Самообороны (31-й батальон СД), 13-й Белорусский полицейский батальон. Многие солдаты, унтер-офицеры и офицеры этих и других формирований, участвовавших в подавлении восстания, были награждены Железными крестами.

Старый город пал 2 октября. Бур-Коморовский и фон дем Бах-Зелевски пожали друг другу руки (существует даже фотография, запечатлевшая это историческое мгновение), и около 17 000 повстанцев сложили оружие. Группы непокорных во главе с полковником К. Зиемски вышла с оружием через подземные каналы на окраины Варшавы и растворилась в окрестных лесах и пущах.

В 2009 году Бюро национальной безопасности Польши выпустило обширный доклад, опубликовав его сразу на многих языках мира, в том числе на русском и английском, в котором говорилось: “Цель повстанцев состояла не только в освобождении столицы Польши от армии Третьего рейха, но также в нарушении согласованного СССР, США и Великобританией в Тегеране в 1943 году разделения Европы”.

Ах, политика... Ах, политики... Ах, защитники целостности послевоенной Европы...

Вряд ли кто из варшавян в августе 1944 года вышел бы на баррикады, если бы им сказали, что они будут драться не за свою столицу и свою свободу, а будут умирать за “нарушение согласованного СССР, США и Великобританией в Тегеране...” ну, и так далее...

Долгое “стояние” перед Варшавой Рокоссовскому ещё аукнется. После войны. В Польше.

Хроника боёв свидетельствует об обратном: Рокоссовский не стоял перед своим родным городом, он пытался его освободить, атаковал, выискивая в обороне противника слабые места. Но слабых мест не оказалось. Модель прочно захлопнул перед Рокоссовским ворота на Берлин, свободно и удачно маневрировал моторизованными и танковыми резервами. Рокоссовский же таковых не имел после того, как в конце июля в боях на подступах к Варшаве фактически потерял два танковых корпуса. 3-й и 8-й гвардейские танковые корпуса были разбиты во встречном танковом сражении. В 3-м гвардейском корпусе погибли два командира танковых бригад, сгорели десятки экипажей. Корпус потерял 284 боевых машины. По немецким данным — на 53 бронеединицы больше. Большинство подбитых танков было отбуксировано в тыл, где ими тут же занялись передвижные ремонтно-механические мастерские. Однако в строй танки и САУ возвращались медленно. Рокоссовский был лишён подвижного резерва. Надо признать, что в какой-то период, пусть на непродолжительное время, Модель своего соперника переиграл.

23 сентября 1944 года

В телефонном разговоре с Верховным Главнокомандующим Рокоссовский решительно высказался за прекращение активных боевых действий в направлении Варшавы. Жуков его поддержал. Сталин с предложением маршалов согласился. 1-я Польская армия перешла к обороне на восточном берегу Вислы. С западного берега, с некоторых плацдармов были эвакуированы последние подразделения.

4 октября 1944 года

После часовой артподготовки противник нанёс мощный удар по порядкам 65-й армии. После ликвидации плацдармов в районе Праги немцы решили сбросить войска 1-го Белорусского фронта и с других плацдармов. На отдельных участках части 65-й армии были прижаты к берегу, и только своевременный и интенсивный огонь артиллерии, поставленной на прямую наводку на восточном берегу, спас пехоту от неминуемой гибели. Чтобы облегчить положение Батова и сохранить плацдармы, Рокоссовский ввёл в бой фронтные средства усиления — истребительно-противотанковые дивизионы и банковые бригады. Отбив контратаку, Батов перегруппировал свои силы и после небольшой передышки при поддержке штурмовой и бомбардировочной авиации провёл удачную атаку. Плацдарм был значительно расширен.

Бои в Польше с первого же дня приняли ожесточённый характер. Немцы сопротивлялись всё яростнее по мере приближения фронта к границам Рейха.

Бойцы на передовой, радуясь короткой передышке, играли на трофейных аккордеонах и пели частушки:

*Скоро Гитлеру могила,
Скоро лютому капут!
Рокоссовского машины
По Берлину побегут.*

Глава одиннадцатая

ВТОРОЙ БЕЛОРУССКИЙ

Войска приводили себя в порядок. Ремонтировали технику. Получали пополнение. Отдыхали. А штабы армий уже разрабатывали планы новых атак, которые складывались в предстоящую фронтную операцию. Удар предполагалось нанести одновременно с двух плацдармов — с Пултуского на Нареве в обход Варшавы с севера и с Вислинских плацдармов в направлении на Познань с охватом Варшавы с юга.

Рокоссовский уже начал объезжать армии, чтобы проверить их готовность выполнить предстоящую задачу. Вечером 12 ноября он вернулся в штаб фронта из поездки на Пулавский плацдарм. Вскоре его позвали к телефону. Звонил Сталин. Разговор, который состоялся через минуту, изменил многое. Маршал вспоминал: “Уже был вечер. Только мы собрались в столовой поужинать, дежурный офицер доложил, что Ставка вызывает меня к ВЧ. У аппарата был Верховный Главнокомандующий. Он сказал, что я назначаюсь командующим войсками 2-го Белорусского фронта. Это было столь неожиданно, что я сгоряча тут же спросил:

— За что такая немилость, что меня с главного направления переводят на второстепенный участок?

Сталин ответил, что я ошибаюсь: тот участок, на который меня переводят, входит в общее западное направление, на котором будут действовать войска трёх фронтов — 2-го Белорусского, 1-го Белорусского и 1-го Украинского; успех этой решающей операции будет зависеть от тесного взаимодействия этих фронтов, поэтому на подбор командующих Ставка обратила особое внимание.

Касаясь моего перевода, Сталин сказал, что на 1-й Белорусский назначен Г. К. Жуков.

— Как вы смотрите на эту кандидатуру?

Я ответил, что кандидатура вполне достойная, что, по-моему, Верховный Главнокомандующий выбирает себе заместителя из числа наиболее способных и достойных генералов, каким и является Жуков. Сталин сказал, что доволен таким ответом, и затем в тёплом тоне сообщил, что на 2-й Белорусский фронт возлагается очень ответственная задача, фронт будет усилен дополнительными соединениями и средствами.

— Если не продвинетесь вы и Конев, то никуда не продвинется и Жуков, — заключил Верховный Главнокомандующий.

Заканчивая разговор, Сталин заявил, что не будет возражать, если я возьму с собой на новое место тех работников штаба и управления, с которыми сработался за долгое время войны. Поблагодарив за заботу, я сказал, что надеюсь и на новом месте встретить способных сотрудников и хороших товарищей. Сталин ответил коротко:

— Вот за это благодарю!

Этот разговор по ВЧ происходил примерно 12 ноября, а на другой день я выехал к месту нового назначения. Маршал Жуков тогда ещё не прибыл. Спустя некоторое время я решил встретиться с ним и попрощаться с товарищами.

Был как раз праздник артиллерии, и мы провели вечер в тесной командирской семье. Выказано было много пожеланий. Тепло распрощавшись с Георгием Константиновичем и со своими сослуживцами, в бодром настроении я вернулся во 2-й Белорусский фронт, будучи доволен, что не поддался соблазну и никого из своих сотрудников не потянул за собой. Я встретил достойных офицеров как в штабе 2-го Белорусского фронта, так и в управлении. Мы быстро сработались”.

Мемуары есть мемуары. Какое уж там “бодрое настроение”... Достаточно было одного взгляда на карту, чтобы понять, что его попросту убирают с берлинского, то есть главного направления. Рокоссовский был человеком сугубо военным, но и в сложностях кремлёвской политики к тому времени уже понимал многое. Да и собой владеть умел. Умел держать удар.

Свой командный пункт на новом месте Рокоссовский приказал перенести поближе к передовой, в лесной массив близ населённого пункта Длугоседло. Сапёры расчистили от мин и неразорвавшихся снарядов местность и дороги, отрыли землянки. Связисты тут же наладили связь. Конечно, обида досаждала, словно старая незажившая рана. Верховный был не просто талантливым, но и осторожным режиссёром, который просчитывал все возможные ходы наперёд. Берлин должен брать маршал с незапамятной, так сказать, биографией. К тому же история с Варшавским восстанием, запутанная не столько сложностями военного характера, сколько политического, наверняка напомнила Сталину польское происхождение Рокоссовского...

Больше всего жаль было расставаться со своим штабом. Он создавал его всю войну, с лета 1941 года, с Янцева. Вначале это был штаб армейской группы, потом армии, а затем фронта. Подмосковье, Сталинград, Курск, Днепр, Белоруссия, Висла...

Вскоре следом за своим командующим на новое место службы прибыл его заместитель генерал-полковник К. П. Трубников. “Это произошло без моего ведома, — вспоминал маршал, — Кузьма Петрович Трубников хороший, опытный командир и замечательный человек”.

Только-только успел принять дела и хозяйство нового фронта, вызвали в Ставку. Сталин лично ставил задачу 1-му и 2-му Белорусским фронтам. 28 ноября Рокоссовскому вручили директиву: “Перейти в наступление и разгромить Млавскую группировку противника, не позднее 10—11 дня наступления овладеть рубежом Мышинец — Вилленберг — Найденбург — Дзялдово — Бежунь — Бельск — Плоцк и в дальнейшем наступать в общем направлении на Нове-Място — Мариенбург. Главный удар нанести с рожанского плацдарма силами четырёх общевойсковых армий, одной танковой армии, одного танкового и одного механизированного корпусов в общем направлении на

Пшасныш — Млава — Лидзбарк. Обеспечение главных сил с севера осуществит наступлением одной общевойсковой армии на Мышинец. Второй удар силами двух общевойсковых армий и одного танкового корпуса нанести с северо-запада в общем направлении на Насельск — Бельск. Для содействия 1-му Белорусскому фронту в разгроме варшавской группировки противника 2-му Белорусскому фронту частью сил нанести удар в обход Модлина с запада”.

Теперь ему не брать и Варшавы, а лишь содействовать “в разгроме варшавской группировки противника 1-му Белорусскому фронту”...

Все эти месяцы боёв на подступах к городу детства и юности в Варшаве его ждала сестра Хелена. Впоследствии она вспоминала: “Уже перед самым Варшавским восстанием кто-то показал мне листовку, в которой говорилось, что Рокоссовский ведёт свои войска на Запад. Я не отдавала себе отчёт в том, насколько наша фамилия ненавистна немцам. Убедилась же в этом во время восстания. Во двор дома по ул. Сенаторской, 31, где мы работали, ворвались немцы. В этот момент одна из моих соседок позвала меня по фамилии. Это услышал немецкий офицер. Он подбежал ко мне и, выкрикивая — вместе с проклятиями — “Рокоссовска”, “Рокоссовска”, рукоятью пистолета ударил меня по голове. Я упала. От неминуемой смерти спасла меня оказавшаяся рядом санитарка, которая вытащила из моей сумочки “аусвайс” на вымышленную фамилию и, пользуясь знанием немецкого языка, показала его фашисту и объяснила, что ему просто послышалось. Реакция этого гитлеровца на фамилию “Рокоссовский” сильно удивила меня. В голове не уместилось, что наш Костик, которого я помнила молодым худеньким солдатиком, любимый брат, любимец семьи, доброжелательный и такой родной, мог стать таким известным и грозным человеком”.

Удивительно и другое: немцы хорошо знали, кто такой Рокоссовский, ещё по Сталинграду, а поляки, тщательно фильтровавшие информацию для своего народа, старались держать факт приближения армий своего соотечественника в тайне.

Хелена дожждётся своего брата. Но встреча их произойдёт чуть позже.

Уезжая из расположения 1-го Белорусского фронта, Рокоссовский простился не только со своим штабом и боевыми товарищами. Пришлось расстаться и с любимой. Галина Таланова была уже на восьмом месяце беременности. Родит она в январе. Госпиталь в то время уже перекочевал под Варшаву в городок Мензижец. Родится девочка, здоровенькая и красивая, и унаследует черты матери и отца.

Рокоссовский будет искренне счастлив. При первом же случае навестит Галину и дочь. Дочь назовут Надеждой.

Галина Васильевна любила искренне и нежно, и как всякая любящая женщина, знающая такую же ответную нежность, конечно же, лелеяла надежду. Надежда не оправдалась. После войны Рокоссовский вернётся в семью. Впоследствии Галина Васильевна рассказывала, что он сразу сказал ей, что он не сможет оставить ту, которая не отреклась от него в самые трудные дни его жизни, когда он находился в “Крестах”, под следствием.

Так и дошла Галина Васильевна со своей крошечной-дочуркой до Победы в составе 1-го Белорусского фронта. После войны вышла замуж за лётчика-испытателя Юлия Кудрявцева. У них родилась дочь Марина. Юлий Евгеньевич Кудрявцев удочерил и Надежду. В 1959 году он обратился к Рокоссовскому с просьбой дать своё согласие на удочерение. Надежда Константиновна носила фамилию отца — Рокоссовская. Маршал признал её, помогал и ей, и матери. Семья Кудрявцевых жила в Латвии. Но вскоре случилась трагедия — Юлий Кудрявцев погиб. Галина Васильевна с дочерьми вернулась в Москву. Устроилась на работу в Главный военный клинический госпиталь им. Н. Н. Бурденко.

Дочь Надежда Константиновна рассказывала: “Отец писал моей матери письма стихами. Я его практически не видела. Хорошо запомнился послевоенный эпизод, как мы с отцом выбирали вид спорта, которым я буду заниматься. Он сказал: “Что ты не умеешь вообще делать? В волейбол немного играешь. В баскетбол — тоже. А плавать не плаваешь”. Остановились на плавании. Позднее я даже выступала за сборную Латвии”.

В письмах Рокоссовский называл своего любимого “незабвенной соловушкой”. Надежда Константиновна их сохранила. Письма и много фотографий, очень личных и трогательных.

Потомки Рокоссовского сейчас общаются, сохраняя добрые, родственные отношения.

Но тогда, глубокой осенью 1944 года, до мира было ещё далеко.

Из воспоминаний маршала: “Нам предстояло наступать на северо-запад, Сталин предупредил, чтобы мы не обращали внимания на восточно-прусскуый группировку противника: её разгром возлагается всецело на 3-й Белорусский фронт. Даже не упоминалось о взаимодействии между нами и нашим правым соседом (впоследствии, как известно, жизнь внесла поправку, и нам пришлось большую часть войск повернуть на север).

Особо предупреждалось о самом тесном взаимодействии с 1-м Белорусским фронтом. Мне запомнилась даже такая деталь: когда Сталин рассматривал нашу карту, он собственноручно красным карандашом вывел стрелу, направленную во фланг противнику. И тут же пояснил:

— Так вы можете Жукову, если замедлитесь наступление войск 1-го Белорусского фронта.

В последующей беседе со мной Сталин ещё раз подчеркнул, что назначаюсь я не на второстепенное, а на важнейшее направление, и высказал предположение, что именно трём фронтам — 1-му и 2-му Белорусским и 1-му Украинскому — предстоит закончить войну на Западе.

Там же, в Ставке, мне сообщили, что граница нашего фронта передвигается к югу до впадения Нарева в Вислу с переходом к нам войск, занимающих этот участок. Значит, 65-я армия генерала Батова будет с нами. Это меня очень обрадовало. С 65-й армией я не разлучался со Сталинграда и имел возможность много раз убедиться в превосходных боевых качествах её солдат, командиров и, конечно, прежде всего, самого Павла Ивановича Батова, смелого и талантливого военачальника. Отошла к нам и 70-я армия генерала В. С. Попова, с которой мы прошагали от Курской дуги до Нарева. Она сейчас оказалась крайней на левом крыле фронта на западном берегу Нарева, упираясь своим левым флангом в Вислу. Командарм её — старый боевой генерал, в прошлом кавалерист, — армией командовал уверенно. Правда, порой он казался слишком флегматичным для кавалериста, которые всегда отличались напористостью, удалью, готовностью на самые рискованные действия. Василий Степанович был тяжеловат на подъём. Но зато, вдумчивый и упорный, начатое дело он всегда доводил до конца, хотя и приходилось его иногда поторапливать.

Из резерва Ставки в состав фронта вошли армии: 2-я Ударная генерала И. И. Федюнинского, 49-я генерала И. Т. Гришина (с ним я встретился впервые), 5-я гвардейская танковая генерала В. Т. Вольского, с которым мы были давно знакомы, ещё с 1930 года, когда он командовал кавалерийским полком в 7-й Самарской кавдивизии. Позже мы вместе служили в Забайкальской группе войск, где он возглавлял танковую бригаду. Это был прекрасный командарм, всесторонне развитый, высококультурный, тактичный и храбрый, что давало мне право за армию не беспокоиться: она была в надёжных руках.

Вместе с 3-й, 48-й и 50-й армиями, которые и раньше входили во 2-й Белорусский фронт, к началу операции в нашем распоряжении было семь общевойсковых армий, одна танковая, одна воздушная (ею командовал генерал К. А. Вершинин, уже тогда проявивший себя как крупный авиационный начальник, отличавшийся не только высокими организаторскими способностями, но и богатой творческой инициативой) и, кроме того, кавалерийский, танковый, механизированный корпуса и артиллерия прорыва. Силы были внушительные и соответствовали поставленной перед нами задаче.

Ширина полосы фронта, в пределах которой нам предстояло действовать, достигала 250 километров. Наши войска на всём этом пространстве делали вид, что заняты укреплением своих позиций в расчёте на длительную оборону, а фактически полным ходом готовились к наступлению.

Местность, на которой нам предстояло действовать, была весьма своеобразна. Правая её половина — от Августова до Ломжи — лесисто-озёрный край, очень сложный для передвижения войск. Более проходимой по рельефу была левая половина участка фронта. Но и здесь на лёгкое продвижение рассчитывать не приходилось. Нам предстояло преодолеть многополосную оборону противника, укреплявшуюся на протяжении многих лет.

Восточная Пруссия всегда была для Германии трамплином, с которого она нападала на своих восточных соседей. А всякий разбойник, прежде чем отправиться в набег, старается обнести своё убежище прочным забором, чтобы в случае неудачи спрятаться здесь и спасти свою шкуру. На востоке Пруссии издревле совершенствовалась система крепостей — и как исходный рубеж для нападения, и как спасительная стена, если придётся обороняться. Теперь нам предстояло пробивать эту стену, возводившуюся веками. При подготовке к наступлению приходилось учитывать и крайне невыгодную для нас конфигурацию линии фронта: противник нависал над нашим правым флангом. Поскольку главный удар мы наносили на своём левом крыле, войска правого фланга должны были прикрывать главные силы от вероятного удара противника с севера и по мере их продвижения тоже перемещаться на запад. У нас уже сейчас правый фланг был сильно растянут, а что произойдёт, если наступление соседа замедлится? Тогда и вовсе наши войска здесь растянутся в нитку. Разграничительная линия с 3-м Белорусским фронтом у нас проходила с востока на запад: Августов — Хайльсберг. Ставка, по-видимому, рассчитывала на то, что войска соседа будут продвигаться равномерно с нашими. Но нас даже не оповестили, где командующий 3-м Белорусским фронтом И. Д. Черняховский будет наносить свой главный удар. Повторяю, о нашем взаимодействии с правым соседом Ставка не обмолвилась ни словом, по-видимому, считая, что севернее нас никаких осложнений быть не может”.

Сталин торопил своих маршалов к Берлину. Американцы наступали в районе Меца. Английские войска подходили к Равенне. Американско-французские дивизии наступали по обе стороны Вогёз. С каждым боем, с каждым переходом и передислокацией союзных войск расстояние до Берлина сокращалось.

К наступлению готовились с особенной тщательностью. Штабы по состоянию Рокоссовского снова и снова отработывали все детали предстоящих действий. Командармов он настраивал на решительный, стремительный бросок.

— Важно, — настаивал комфронта, — чтобы наше наступление не вылилось в затяжные бои. Не дать возможности противнику планомерно отходить на заранее подготовленные рубежи.

Наставления фон Клаузевица были усвоены хорошо: “Преследование противника — второй акт победы, в большинстве случаев, более важный, чем первый”.

В дивизиях были созданы сильные отряды преследования и группы для действия ночью. Они имели задачу не позволить отходящему противнику оторваться от наших наступающих войск, даже если он попытается воспользоваться тёмным временем суток.

И вот наступило утро атаки. Рокоссовский с офицерами связи, как всегда, заблаговременно прибыл на передовой КП. Предполье затянуло густым низким туманом, лепил мокрый снег. Погода напоминала утро, когда начинали наступление под Сталинградом. Самолёты, даже для одиночных полётов, поднимать с аэродромов было невозможно, и атаку с воздуха Рокоссовский приказал отменить. Успех или неуспех предстоящего прорыва должны были решить артиллерия и, как всегда, пехота. Танковые корпуса и кавалерию Рокоссовский берёт для второго этапа наступления, чтобы ввести эти подвижные ударные части в прорыв.

Севернее 3-й Белорусский фронт генерала И. Д. Черняховского уже сутки атаковал немецкие позиции, обходя мазурские озёра в направлении на Кёнигсберг и к Балтийскому морю.

Южнее войска 1-го Белорусского фронта начали наступление с Магнусhevского и Пулавского плацдармов, охватывая варшавскую группировку немцев.

Восемьдесят пять минут ствольная и реактивная артиллерия обрабатывали рубеж обороны противника. Плохая видимость мешала работе артиллеристов. Однако основные цели были определены и нанесены на карты заранее. Рокоссовский несколько раз подходил к стереотрубе — нет, ничего не видно. Вслед за огненным валом, который начал сдвигаться в глубину обороны противника, пошла пехота. Терпеливо ждали донесений о первых результатах атаки.

Рокоссовский никогда не торопил командармов с донесениями, не дожимал их штабы телефонными звонками. Говорил: командармы опытные, знают, что делать, и когда будут первые результаты, позвонят сами.

Первые дни продвигались тяжело. Противник сидел в основательно устроенном укрепрайоне. Использовал старые инженерные сооружения бетонного типа. Успел модернизировать их под современное вооружение. Приходилось буквально вырубать, выкалывать вместе с бетонными глыбами его огневые точки при помощи орудий большого калибра. Артиллеристы подкапывали гаубицы на прямую наводку и в упор расстреливали железобетонные сооружения бункерного типа. Специальные штурмовые и инженерно-сапёрные отряды взрывали металлические колпаки, делали проходы в минных полях и заграждениях. Хорошо показала себя во время этих боёв штурмовая самоходная артиллерия. Тем не менее, продвижение оказалось незначительным — в первые сутки всего на 7–8 километров. На второй день немцы собрали всё, что имели, и контратаковали на направлении главного удара. “Гитлеровцы предпринимали контратаку за контратакой, — вспоминал маршал, — одна яростнее другой, но вынуждены были оставлять свои опорные пункты и оборонительные районы”.

Сила силу ломит. Фон Клаузевиц по этому поводу думал более конкретно: “Лучшая стратегия состоит в том, чтобы всегда быть возможно более сильным; это значит, прежде всего, быть вообще сильным, а затем — и на решающем пункте”.

Решающий пункт вскоре определился. Удары с Сероцкого и Ружанского плацдармов слились в общий прорыв шириной в 60 километров.

На второй день позвонил сосед слева. Генерал Малинин, начальник штаба 1-го Белорусского фронта, в порядке обмена информацией доложил обстановку и положение своих войск на стыке. У Жукова уже определялся явный успех. Малинин закончил разговор такими словами:

— Что вы там топчетесь, наши танки уже подходят к Берлину!

Шутка оказалась удачной, действенной. В тот же день Рокоссовский ввёл в дело танковые корпуса на участках 48-й армии генерала Гусева, 2-й Ударной генерала Федюнинского и 65-й генерала Батова. К тому времени противник уже истощил свои силы и танкового удара не выдержал. Фронт был прорван на всю глубину, и войска устремились к Бромбергу, Груденцу и Мариенбургу. А сутки спустя, наращивая удар, комфронта ввёл в бой 5-ю гвардейскую танковую армию генерала Вольского. К исходу дня 18 января танкисты охватили Млавский укрепрайон и блокировали его группировку. Рокоссовский приказал Вольскому не останавливаться, гнать танки к морю. Тем временем армии Батова и Попова, продвигаясь вдоль северного берега Вислы, овладели городом-крепостью Модлин.

На шестой день, в связи с тем, что войска 2-го Белорусского фронта наступали с опережением графика, Ставка уточнила задачу. Ударные силы правого крыла предстояло повернуть на север, а левого — на запад, с целью овладения рубежом Эльбинг — Мариенбург — Торунь. В результате этого рывка войска Рокоссовского вышли к морю. Группировка немцев, сражавшихся в Восточной Пруссии, оказалась отрезанной от Германии. Но Рокоссовский окончательно понял, что в операции по штурму Берлина его войскам уже не участвовать. Направление ударов 2-го Белорусского фронта всё сильнее поворачивалось к северу.

Семнадцатого января снова позвонил Малинин. На этот раз он был краток: взята Варшава, город в руинах, жителей на улицах почти не видеть. У Рокоссовского сжалось сердце: Хелена...

В эти же дни он получил известие о том, что его “соловушка” Галина Таланова родила дочь.

В Ялте шли приготовления к встрече лидеров стран антигитлеровской коалиции. Конференция состоялась в начале февраля 1945 года. Сталин, Рузвельт и Черчилль делили шкуру медведя, которого в самое ближайшее время должны были прикончить в Берлине русскими штыками. Устройство послевоенного мира, когда всю ещё гремела война, оказалось темой сложной. Но, пожалуй, самым трудным во время ялтинских переговоров оказался польский вопрос.

Возможно, именно поэтому Сталин и согласился на просьбу Эйзенхауэра в связи с трудностями союзников в районе Арденн наступательные действия фронтов начать на несколько дней раньше. Сталин торопил войска, направлял резервы 2-му и 3-му Белорусским фронтам, чтобы те управились и с группой армий “Висла”, оборонявшейся в Восточной Померании, и с Кёнигсбергом, и со всей Восточной Пруссией к началу переговоров. Правда, ни к началу ялтинской конференции, ни к концу её фронты не достигли полного разгрома северо-восточных группировок немцев. Тем не менее успехи оказались ошеломляющими и убедили ялтинских переговорщиков в главном. Прорыв Померанского вала, фактическое уничтожение группы армий “Висла” открывал для Красной армии прямой путь на Берлин; победы в Померании и в Восточной Пруссии устраняли угрозу флангового удара с севера по группировке войск, нацеленных на Берлин. Русские разложили свой пасьянс, и карты читались легко, они обещали скорую победу и окончание войны.

Устраивая послевоенный мир, Сталин уступил Польше Белостокское воеводство, но по праву победителя при разделе Восточной Пруссии буквально выхватил из рук союзников часть прусских земель, которые вскоре будут оформлены в Калининградскую область РСФСР.

В самый разгар боёв Ставка приказала Рокоссовскому передать Черняховскому для ликвидации восточно-прусской группировки противника правофланговые армии и некоторые подвижные соединения. Маневр Ставки объяснялся желанием наступать одновременно на двух направлениях — берлинском и кёнигсбергском. В Москве снова недооценивали силу противника. У Рокоссовского же этот маневр окончательно отнимал возможность ударить на Берлин с севера с одновременным охватом его с северо-запада.

После войны маршал размышлял по этому поводу так: “Восточно-Померанская операция для войск 2-го Белорусского фронта являлась продолжением начавшегося 14 января наступления трёх фронтов на западном направлении, а не вытекающей из Восточно-Прусской операции, как утверждают некоторые историки и мемуаристы... На мой взгляд, когда Восточная Пруссия окончательно была изолирована с запада, можно было бы и повременить с ликвидацией окружённой там группировки немецко-фашистских войск, а путём усиления ослабленного 2-го Белорусского фронта ускорить развязку на берлинском направлении. Падение Берлина произошло бы значительно раньше. А получилось, что 10 армий в решающий момент были задействованы против восточнопрусской группировки (с передачей в состав 3-го Белорусского фронта четырёх армий 2-го Белорусского фронта в его составе оказалось 10 армий), а ослабленные войска 2-го Белорусского фронта не в состоянии были выполнить своей задачи. Использование такой массы войск против противника, отрезанного от своих основных сил и удалённого от места, где решались основные события, в сложившейся к тому времени обстановке на берлинском направлении явно было нецелесообразным. Более того, это делалось за счёт ослабления войск 2-го Белорусского фронта, которому предстояло разгромить восточнопомеранскую группировку противника, что сделать оставшимися у него силами он не мог.

К этому времени противник сумел сосредоточить в Восточной Померании довольно крупные силы и, умело используя благоприятную для организации обороны местность, затормозил продвижение войск нашего фронта”.

Жуков уже вёл свои армии на Берлин. Ещё 10 февраля он доложил в Ставку о готовности войск к атаке. Наступление планировалось на 20 фев-

пладарма, Кюстринского плацдарма, захваченного на западном берегу Одера. Но в эти дни немцы начали масштабное контрнаступление в Померании — операцию *Sonnenwende* — “Солнцестояние”, — и Ставка вынуждена была часть сил передать от Жукова Рокоссовскому для отражения удара в Восточной Померании.

Сталин опасался коварства союзников, которые вполне могли в те дни высадить десант в Восточной Пруссии и принудить немецкую группировку к капитуляции. Картина войны и послевоенного мира могла бы в один миг значительно измениться.

Так что маршалы, глядя на оперативные карты, мыслили категориями людей сугубо военных. Вожди обязаны были учитывать и фактор ближайшей и долговременной политики. Их взгляды и планы часто не совпадали. По этому поводу фон Клаузевиц писал: “Военные должны подчиняться политикам”. Они и подчинялись, зачастую изменяя направление ударов и их силу.

В феврале к Рокоссовскому на фронт приехала жена Юлия Петровна. Семья воссоединилась. Двусмысленному существованию был положен конец. Штаб 2-го Белорусского фронта в те дни располагался в местечке Бродницы северо-западнее Варшавы. И Рокоссовский отправил своих порученцев в Варшаву разыскать сестру Хелену. С порученцами поехала Юлия Петровна. Она везла письмо брату сестре. Хелену они разыскали живой и здоровой. В письме Константин Константинович сообщал Хелене о смерти их старшей сестры Марии в 1915 или в 1916 годах, о других семейных новостях и просил приехать к нему безотлагательно.

Встреча брата и сестры, которую не виделись тридцать лет, произошла в конце февраля 1945 года. Все были счастливы. Впоследствии Рокоссовский, как мог, опекал младшую сестру, помогал ей. Приглашал на семейные торжества. И не только. Хелена была в числе гостей на торжественной встрече маршала Рокоссовского и фельдмаршала Монтгомери. Приезжала в Москву на Парад Победы, среди почётных гостей присутствовала на торжественном обеде в Кремле. Во время торжества Рокоссовский представил её Сталину. Сталин был доволен: во-первых, тем, что его маршал, на которого он по-прежнему возлагал большие и теперь уже не только военные, но и политические надежды, ничего не таил от него, а, во-вторых, для осуществления той операции, которую он задумывал, польская родня, а тем более, варшавская, да с хорошей репутацией, могла только способствовать успеху задуманного.

В начале апреля, накануне последнего штурма Рокоссовского вызвали в Ставку. Несколькими днями раньше Верховный принял маршалов Жукова и Конева. Обсуждали задачи последнего, решающего броска. После Восточно-Померанской операции войска фронта, наконец, поворачивали на запад, Ставка бросала армии Рокоссовского на берлинское направление. Но для этого войскам нужно было форсированным маршем пройти 300—350 километров пути и занять исходные районы. Такой марш — целая операция.

Из мемуаров Рокоссовского: “Разрабатывая Берлинскую операцию, советское командование учитывало сложившуюся к тому времени политическую и стратегическую обстановку. Несмотря на явный проигрыш войны, немецко-фашистское руководство ещё на что-то надеялось. Почти полностью прекратив действия против союзников, гитлеровцы создавали крупную группировку против советских войск. Гитлер и его окружение всё ещё рассчитывали на какие-то комбинации, которые могли бы их спасти. Надо было положить конец этим попыткам. Отсюда задача наших войск: как можно быстрее разгромить немецко-фашистскую группировку на берлинском направлении, овладеть германской столицей и выйти на реку Эльба.

Выполнение этой задачи возлагалось на три фронта: 1-й Белорусский, 1-й Украинский и 2-й Белорусский. В общих чертах операция должна была развиваться следующим образом. Удар в общем направлении на Берлин наносит 1-й Белорусский фронт, одновременно частью сил обходя город с севера; 1-й Украинский фронт наносит рассекающий удар южнее Берлина, обходя город с юга. Наш, 2-й Белорусский, наносит рассекающий удар севернее Берлина,

обеспечивая правый фланг 1-го Белорусского фронта от возможных контрударов противника с севера, и ликвидирует все вражеские войска севернее Берлина, прижимая их к морю.

Начало операции устанавливалось Ставкой для войск 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов 16 апреля, для нас — 20 апреля. (Для нас срок определён с учётом перегруппировки войск с востока на запад)”.

На исходе дня 19 апреля Рокоссовский позвонил по ВЧ Верховному. Доложил о готовности. В ответ услышал:

— Вы уверены в успехе, Константин Константинович?

По имени и отчеству Сталин начал называть его летом 1944 года, после операции “Багратион”. До него такой чести удостоивался только один человек из военных — Борис Михайлович Шапошников.

— Я уверен в своих войсках, товарищ Сталин. А они принесут успех.

Сталин поблагодарил и положил трубку.

Всю ночь перед общей атакой женский полк ночных бомбардировщиков 4-й воздушной армии обрабатывал позиции противника и его тылы. Позволил Батов и неожиданно попросил, чтобы его дивизиям разрешили начать наступление на час раньше.

— К утру ветром нагоняет в пойму воду, — пояснил командарм, — уровень её поднимется. Это усложнит форсирование реки. А мои ребята уже там, за Вест-Одером, захватили несколько плацдармов. Противник начал их поджимать. Боюсь, до утра без поддержки не продержатся.

— Павел Иванович, уже не успеете, — взглянув на часы, сказал Рокоссовский. — Пока отдадите распоряжение, батальоны выйдут к берегу...

— Распоряжение уже отдано. Батальоны возле берега держат на плечах лодки... Жду, товарищ маршал, вашего разрешения.

Ай да Батов, подумал Рокоссовский, восхищаясь своим командармом, и сказал в трубку:

— Начинайте.

В ударную группировку фронта, кроме 65-й, входили 70-я армия генерала Попова и 49-я генерала Гришина.

Атаку Рокоссовский наблюдал с передового КП генерала Батова. После войны вспоминал: “Отсюда хорошо просматривалась на некоторых участках береговая полоса Вест-Одера, правда, не на большую глубину, потому что берег противника господствовал над нашим, но многое всё же можно было увидеть. В частности, мы наблюдали вражескую контратаку силой до батальона с семью танками. Она происходила на участке 37-й гвардейской стрелковой дивизии К. Е. Гребенника. Вскоре мы увидели, как все семь танков загорелись, подбитые орудиями прямой наводки, вражеская пехота побежала”.

Когда принесли текущую сводку, Рокоссовский, видя, что успех намечался в полосе наступления армии Батова, отдал приказ переправлять части 2-й Ударной в полосе наступления 65-й армии. Переброска войск на западный берег сразу значительно ускорила.

Затем поехал в расположение 70-й армии. Генерал Попов начал наступление чуть позже своего соседа. Но успех у него тоже намечался, и Василий Степанович полным ходом гнал свои войска на западный берег Вест-Одера.

Из воспоминаний маршала: “У Попова тоже был хорошо оборудованный наблюдательный пункт, с которого можно было следить за боевыми действиями, происходившими на довольно большом расстоянии.”

Войска армии приступили к форсированию реки под прикрытием артиллерийского огня. Артподготовка здесь началась несколько позже, чем у Батова, и продолжалась 60 минут. Переправа осуществлялась на широком фронте с помощью множества лодок, заранее подтянутых к восточному берегу Вест-Одера. Главный удар армия наносила на 4-километровом участке, создав плотность артиллерии до 200—220 орудий и миномётов на километр фронта. Под прикрытием артиллерийского огня вся масса наплавных средств одновременно устремилась к противоположному берегу. Все, кроме гребцов, вели огонь из пулемётов и ручного оружия.

Противник оказывал упорное сопротивление. По докладу командарма, за утро войска на плацдарме отбили свыше 16 вражеских контратак.

К намшему прибытию на западный берег Вест-Одера переправились 12 стрелковых батальонов с пулемётами, миномётами и несколькими 45-миллиметровыми орудиями. Противник, пользуясь недостатком на плацдарме артиллерии, донимал нашу пехоту танковыми атаками. Большую помощь пехотинцам в это время оказала авиация.

Бои были тяжёлые, люди дрались героически. Упорство, взаимная выручка и страстное стремление победить помогли им отразить все вражеские удары.

Нам довелось наблюдать работу сапёров. Работая по горло в ледяной воде среди разрывов снарядов и мин, они наводили переправу. Каждую секунду им грозила смерть, но люди понимали свой солдатский долг и думали об одном: помочь товарищам на западном берегу и этим приблизить победу.

Долг для них был превыше всего!

В огне и дыму я видел командиров и политработников. В этом аду они умели всё подчинить точному расчёту, поддержать организованность и строгий порядок.

Все командиры и политработники отвечали своему назначению. Своим мужеством они подавали пример и пользовались глубоким уважением среди подчинённых. Это чувствовалось везде.

Впервые мне пришлось видеть Попова в необычном для него состоянии. Он заметно нервничал и горячился. Причиной тому было то, что артиллерия не смогла подавить сильный опорный пункт в районе Грайфенхагена, напротив разрушенного моста через Вест-Одер. Огонь нескольких пулемётов и реактивных противотанковых гранатомётов (панцер-фауст) гитлеровцев долгое время не давал нашим частям продвигаться по дамбе и использовать её для переброски артиллерии и другой тяжёлой техники.

Командарм разыскал лиц, виновных в этом упущении. Наверное, крепко досталось бы товарищам. Пришлось мне вмешаться и немного успокоить расхолодевшего Василия Степановича. Кстати, дружной атакой пехоты, поддержанной лётчиками-штурмовиками, злополучный опорный пункт был обезврежен. Тут же на наших глазах сапёры подвели к дамбе понтоны. К концу дня на Ост-Одере действовали девять десантных и четыре паромные переправы и 50-тонный мост. По Вест-Одере курсировали шесть паромов, буксируемые автомашинами-амфибиями. На западный берег стала прибывать артиллерия, столь необходимая войскам, сражавшимся на плацдарме".

Генерала Гришина на его передовом КП Рокоссовский застал в крайне расстроенном состоянии. Именно на 49-ю армию Рокоссовский возлагал основные надежды по прорыву вражеской обороны. Она наступала на левом фланге фронта и взаимодействовала с правобланговыми частями 1-го Белорусского фронта. Предполагалось, что, используя выгодное положение, она нанесёт рассекающий удар по обороне 3-й танковой армии противника, отснит его порядки на север и северо-запад под удары наступающей 70-й армии генерала Попова. Для обеспечения удара на рассечение генералу Гришину передали дополнительные части усиления.

Из-за плохо проведённой разведки артиллеристы ошибочно нанесли на карты вместо русла Вест-Одера один из каналов. В результате основная оборона перед 49-й армией практически не пострадала — артогонь пришёлся на незначительные силы немцев, оборонявшие канал. Когда же ударная группировка вышла к реке, с противоположного берега её встретил ураганный огонь. Батальоны залегли и начали окопываться. Генерал Гришин вёл перегруппировку сил для новой атаки, когда на КП прибыл комфронта с офицерами штаба. Рокоссовский выслушал доклад командарма. Стало очевидным: успеха здесь можно добиться лишь в том случае, если немцы начнут отход, опасаясь быть отрезанными наступающими частями соседнего 1-го Белорусского фронта и 70-й армии. Но если нажим ослабить, противник тут же перебросит свои резервы на атакованные участки, и тогда общий успех придётся оплачивать наибольшей кровью своих солдат и офицеров. И это — в конце войны.

Резервные части были перебросены на усиление и развитие удара 65-й армии. А 49-й только на следующий день с большими потерями удалось переправиться через реку и зацепиться за крошечные плацдармы. Немцы яростно контратаковали. Тем временем на участках 65-й и 70-й армий через

наведённые понтонные мосты шла переправа войск и тяжёлого вооружения. Теперь пехота наступала при поддержке противотанковых орудий, САУ и танков. Батальоны почувствовали себя увереннее и начали нажимать энергичней.

Из книги “Солдатский долг”: “К 25 апреля части 65-й и 70-й армий, подкреплённые фронтовыми средствами усиления, продвинулись до 8 километров, хотя Батову пришлось часть своих войск развернуть фронтом на север, против штеттинской группировки врага. Чтобы помочь ему, мы торопили Федюдинского с переброской на плацдарм двух его корпусов. Для этого ему были предоставлены переправы 65-й армии на её правом фланге.

70-я армия достигла рубежа Радехов — Петерсхаген — Гартц. Попов переправил на западный берег и свой армейский резерв — стрелковый корпус. Вечером по переправам 70-й армии направился на плацдарм 3-й гвардейской танковой бригады. Подтягивала к этим переправам главные силы в 49-я армия.

У командармов настроение было превосходное: они уже владели плацдармом 35 на 15 километров. Ещё немного — и войска прорвут вражескую оборону. Самое тяжёлое осталось позади. Перенесённые трудности забыты. Солдаты рвутся вперёд. И мы уже начинаем думать, как бы с ходу прорвать вражеский оборонительный рубеж на реке Рандов, не прибегая к сложным перегруппировкам. Решаем использовать для этого всю мощь авиации Вершинина. Все танковые корпуса подчиняем командармам. Предоставляем командармам полную инициативу в решении задачи. Основное — не дать противнику задержаться на этом, втором оборонительном рубеже.

Но чуть забрезжил рассвет, гитлеровцы снова начали контратаки на всём фронте нашей ударной группировки. Противник бросил значительную часть своих резервов: части 103-й бригады СС, 171-й противотанковой бригады, 549-ю пехотную дивизию из района Штеттина, 1-ю дивизию морской пехоты, прибывшую из района Штольпа, с участка 1-го Белорусского фронта, а также танкоистребительную бригаду “Фридрих”, почти целиком вооружённую панцер-фаустами и усиленную дивизионом штурмовых орудий.

Враг опоздал. К этому времени на западном берегу Вест-Одера мы имели силы, которые ничто не могло остановить. Там уже развернулись три корпуса 65-й армии — Алексеева, Эрастова и Чувакова — боевых, замечательных командиров. Рядом с ними сражались два корпуса армии Попова, а третий корпус тоже был готов вступить в бой. Заканчивали переправу 3-й гвардейской и 1-й гвардейской Донской танковые бригады, возглавляемые талантливыми генералами А. П. Панфиловым и М. Ф. Пановым.

Все контратаки противника были отбиты, и войска 65-й и 70-й армий продолжали развивать прорыв. Контратаками противник лишь ослабил свои силы, понеся огромные потери и давая нам возможность на плечах его обращённых в бегство солдат продвигаться вперёд. К вечеру 25 апреля был завершён прорыв вражеской обороны на 20-километровом фронте. Наши войска подошли к реке Рандов. В результате боёв на западном берегу Одера были полностью разгромлены не только части, оборонявшие этот рубеж, но и все резервы, которые подбрасывал сюда противник.

Тем временем войска соседа слева — 1-го Белорусского фронта — уже завязали бои в Берлине, а правобережными соединениями охватывали германскую столицу с севера. Наше наступление не давало противнику возможности перебрасывать резервы к Берлину и тем способствовало успехам соседа.

С завершением форсирования Одера войска нашего фронта приступили к осуществлению маневра с целью охвата главных сил 3-й немецкой танковой армии с юга и юго-запада и лишения их возможности не только оказать содействие берлинской группировке, но и отойти на запад. 65-я армия с 1-м гвардейским танковым корпусом получает задачу ударами в северо-западном направлении прижать к морю все вражеские войска, действующие к северу-востоку от линии Штеттин — Нойбранденбург — Росток”.

Когда войска Рокоссовского кромсали остатки немецких дивизий и отдельных частей на побережье Балтийского моря, армии Жукова с большими потерями преодолевали внешний оборонительный обвод и, наконец, ворвались в Берлин. Завязались уличные бои. Дни и часы последней обороны

немцев, танки, были сочтены, но советские танки продолжали гореть, а солдаты гибнуть.

На завершающем этапе боёв великолепно показала себя 49-я армия генерала Гришина. Главные её силы воспользовались переправами 70-й армии, энергично развернулись на западном берегу в боевой порядок и ударом во фланг смяли оборону противника и начали преследование отходящих и уклонившихся от боя частей.

Противник там и там вводил в дело резервы. Вначале это были батальоны, потом роты и отдельные отряды. Наступающие армии Рокоссовского просто-напросто сметали их со своего пути. Те, кто пытался противостоять с оружием в руках, уничтожался. Другие бросали оружие и поднимали руки...

Последний удар 2-го Белорусского фронта напоминал стремительный бросок кавалерийской лавы в момент, когда противник дрогнул, потерял строй и уверенность и показал наступающим спину. Сам маршал о тех завершающих атаках писал: “Войска всех армий фронта успешно развивали наступление. Начиная с 27 апреля враг уже не мог сколько-нибудь прочно закрепиться ни на одном рубеже. Началось стремительное преследование его отходящих частей, хотя они не упускали случая оказывать нам сопротивление.

Отступая, вражеские войска взрывали за собой мосты, минировали и разрушали дороги, пытались дать бой в каждом удобном для обороны населённом пункте. Но несмотря на это, скорость продвижения наших войск в сутки достигала 25–30 километров. Сметая все преграды на своём пути и уничтожая сопротивлявшегося врага, наши войска неуклонно продвигались вперёд. Вскоре 2-я Ударная армия Федюнинского и 65-я Батова, наступавшие в северо-западном направлении, уничтожив и [359] пленив отходившие перед ними вражеские части, достигли побережья Балтийского моря.

70-я армия Попова и 49-я Гришина столкнулись с резервами противника, выдвинутыми им в лесисто-озёрный район Нойштерлиц — Варен — Фюрстенберг. Здесь пытались закрепиться части 7-й немецкой танковой дивизии, переброшенные морем из района Данцигской бухты, 102-я дивизия особого назначения и пехотная дивизия “Шлягитер” из резерва главного командования, 5-я парашютная дивизия с западного фронта, а также остатки 25-й моторизованной, 5-й легкопехотной, 3-й морской, 156-й пехотной, 606-й особого назначения дивизий и фольксгренадёрского артиллерийского соединения, отошедшие в полосу наших войск под ударами правого крыла 1-го Белорусского фронта. Все эти вражеские части ударами войск Попова и Гришина при содействии танкового корпуса Панфилова и 8-го механизированного корпуса, а также авиации Вершинина были разгромлены, уничтожены, а остатки их пленены. Наступление 49-й и 70-й армий продолжалось безостановочно.

3 мая 3-й гвардейский танковый корпус Панфилова юго-западнее Висмара установил связь с передовыми частями 2-й британской армии.

4 мая вышли на разграничительную линию с союзниками и войска 70-й, 49-й армий, 8-го механизированного и 3-го гвардейского кавалерийского корпусов (конники дошли до Эльбы). Части 19-й армии Романовского и 2-й Ударной Федюнинского ещё сутки вели бои — очищали от гитлеровцев острова Воллин, Узедом и Рюген. С овладением этими островами закончилась наступательная операция 2-го Белорусского фронта. Правда, приходилось ещё прочесывать отдельные районы, обезвреживать небольшие группы гитлеровцев, остававшиеся в тылу наших войск.

Много хлопот доставил нам датский остров Борнхольм, превращённый немецко-фашистским командованием в военно-морскую базу и перевалочный пункт для переброски за границу своих войск, застрявших на косе Хель, в районе Данцигской бухты, и на изолированных плацдармах в Курляндии. Наше предложение командующему немецкими войсками на острове генералу Вутману и его заместителю по морским делам капитану 1 ранга фон Кеметцу о капитуляции было отклонено. Пришлось приступить к высадке десанта. Две стрелковые дивизии 19-й армии были погружены на корабли. Организацию десантной операции я поручил начальнику оперативного управления штаба фронта генералу П. И. Котову-Легонькову, который действовал совме-

относно командиром Кольбергской военно-морской базы. Нам всем тоже, конечно, пришлось приложить свои усилия. Впоследствии навалились заботы с обеспечением продовольствием и всем необходимым высаженных на Борнхольме наших войск. Балтийское море было засорено минами, которые ставили и немцы, и союзники. Документация отсутствовала, работы по тралению фарватеров только начинались. Каждый рейс к острову был сопряжён с большим риском. На Борнхольме было обездоровано и взято в плен свыше 12 тысяч немецких солдат и офицеров и захвачены большие военные трофеи. Между датским населением острова и нашими войсками с первого же дня установились дружеские отношения. Жители Борнхольма восторженно встретили своих освободителей”.

Седьмого мая состоялась встреча Рокоссовского с Главкомандующим британскими оккупационными войсками в германии фельдмаршалом Монтгомери. Вернувшись в штаб после встречи, Рокоссовский тут же доложил Сталину, что и эта операция проведена успешно. Доклад продублировал телефонограммой: “1. Сегодня, 7.5.45 г., в 12:00 в г. Висмаре состоялась моя встреча с фельдмаршалом Монтгомери.

С нашей стороны на этой встрече присутствовали: Субботин, Цанава, Боголюбов, Соколовский, Вершинин (4 ВА), Виноградов (разведчик фронта).

Со стороны англичан — девять генералов во главе с фельдмаршалом Монтгомери.

Для встречи был выстроен почётный караул и дан салют из 19 орудий.

Встреча прошла в дружеской обстановке и продолжалась два часа”.

Затем был ответный визит Монтгомери и британских генералов и офицеров. Об этой встрече союзников оставил воспоминания генерал Батов: “Вскоре после Дня Победы позвонил Рокоссовский:

— К нам приезжает Монтгомери. Имеешь желание видеть заморского гостя?

Вместе с Николаем Антоновичем Радецким выехали в 70-ю армию, где намечалась эта встреча.

Мы стояли в строю, а командующий вёл английского фельдмаршала, знаками с людьми. Остановившись против меня, Рокоссовский сказал: “Вот генерал, армия которого открыла нам ворота через Одер”. Эта фраза через полчаса доставила нам с Радецким много хлопот. Англичане после Ла-Манша считали себя непревзойдёнными мастерами форсирования водных преград. Но они понимали, что такое Одер под Щецином, и засыпали нас вопросами: как было организовано форсирование? Может быть, имелись подводные танки или использовались большие воздушные десанты? Один из англичан, взглянув на мои орденские планки, увидел знак ордена Британской империи второй степени и спросил переводчика, за что генерал получил эту награду.

— Ему вручили её после Сталинградской битвы.

— О! — горячо воскликнул английский генерал. — Там было начало победы!

Английские коллеги восторженно говорили о русском солдате, о героизме нашего народа. Говорили, что гордятся своим великим союзником.

Потом остались только свои товарищи. Впервые после боёв за Одер мы собрались вместе. Кто-то сказал, что в Москве намечается парад Победы. По Красной площади пройдут сводные полки фронтов.

Вспоминали пройденный путь. Много хороших искренних слов было сказано в адрес командующего фронтом. Рокоссовский с весёлыми глазами стоял в кругу офицеров и генералов, слушал, потом махнул рукой и сказал: “Бросьте, товарищи, всё это. Что бы я мог сделать без всех вас...”

Когда машины англичан подъехали к ставке Рокоссовского, их встретил эскорт гвардейцев-кавалеристов. Генерал Осликовский по просьбе командующего отобрал для сопровождения лучших наездников. Сверкая на солнце обнажёнными клинками, всадники показали отличную выправку и гвардейскую удаль. Англичане не скрывали своего восхищения. Когда въехали в ворота, оркестр грянул национальный гимн Великобритании.

Во время торжественного обеда Рокоссовский по праву хозяина произнёс первый тост:

— Я предлагаю поднять бокалы за организаторов наших побед, за руководителей, обеспечивших полный разгром гитлеровской Германии, — за Сталина, Черчилля и Рузвельта!

В США к тому времени был уже другой президент. Рокоссовский же, как честный солдат, подводил итоги долгой войны, и, не желая играть в дипломатию, назвал имя того, кто действительно внёс большой вклад в общую победу.

Монтгомери встал с ответным тостом:

— Мы начали наш путь с разных сторон Европы. Мы огнём пробивали себе дорогу и вот теперь встретились в центре Германии. Все эти годы испытаний англичане с восхищением следили за борьбой мужественного русского народа. Как солдату мне не приходилось до сих пор видеть советского бойца. Сегодня я с ним встретился впервые и восхищён до глубины души.

С началом этой большой войны англичане, проживающие на своих островах, всё время видели, как росли замечательные военные руководители России. И одним из первых имён, которое я узнал, было имя маршала Рокоссовского. Если бы о нём не объявляло радио, я бы всё равно видел его славный путь по салютам в Москве.

Я сам пробил себе дорогу через Африку и был во многих боях. Но я думаю: то, что сделал я, не похоже на то, что сделал маршал Рокоссовский. Я предлагаю тост за маршала Рокоссовского!”

На той встрече рядом с Рокоссовским была его семья — жена Юлия Петровна и сестра Хелена. Обе сияли счастьем, видя своего родного Костика, окружённого почестями и славой.

Позже Хелена, вспоминая те встречи мая 1945 года с братом, признается, что он принимал награды и прочие почести как нечто обязательное, дополняющее его должность и мундир, но без пафоса и излишнего восторга, что излишнее и продолжительное внимание к его персоне брата тяготило.

Спустя два дня в Берлине у Бранденбургских ворот фельдмаршал Монтгомери вручил маршалам Жукову и Рокоссовскому британские рыцарские ордена. Жукову — Орден Бани степени Почётного Рыцаря Большого Креста. Рокоссовскому — Орден Бани Рыцаря-Командора. Маршалы Сталина на церемонии выглядели бравыми молодцами, в новеньких мундирах и высоких кавалерийских сапогах со шпорами. Сохранилась целая серия фотографий, на них Жуков буквально сияет — триумфатор; Рокоссовский, как всегда, сдержан и непроницаем. Выправка — безупречная.